

S.E.C.T.O.R.

A movie poster for the film 'Krov' Zverya' (Blood of the Beast). The central figure is a young man in a military uniform with a fur collar, sitting on the ground in a field of tall grass. He is holding a glowing, multi-colored orb in his hands. Two assault rifles are positioned on the ground in front of him. In the background, there is a large, multi-story brick building with a circular tower-like structure on top, surrounded by trees with autumn foliage. A flock of birds is flying in the sky above the man. The overall tone is dramatic and mysterious.

Виктор НОЧКИН

КРОВЬ ЗВЕРЯ

S.E.C.T.O.R.

Виктор Ночкин

Кровь Зверя

«Автор»

2012

Ночкин В.

Кровь Зверя / В. Ночкин — «Автор», 2012 — (S.E.C.T.O.R.)

S.E.C.T.O.R. – новые сталкеры, новые кланы, новый враг. Сектор – это свобода. Свобода жить так, как тебе хочется. Свобода не подчиняться власти, бандитам, чиновникам. Свобода не зависеть ни от кого и ни от чего... А еще это свобода убивать и не бояться возмездия. Олег Свирцев привык возвращать долги. Семь лет назад ему посчастливилось уцелеть в катастрофе, которая унесла сотни жизней, и он дал слово: прожить за всех, кто сгинул в тот страшный день. Еще один долг – отомстить. Где и как можно свести счеты с убийцей? В Секторе. Ведь Сектор – это свобода убивать...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Часть вторая	45
Глава 1	45
Глава 2	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктор Ночкин

Кровь Зверя

Часть первая

Смертельные игры

Глава 1

К Барьеру!

Когда до прибытия оставалось минут пятнадцать, Олег поднялся и зашагал к тамбуру. Попутчики проводили его равнодушными взглядами. В вагоне было человек тридцать – самые обычные пассажиры, но переодеваться в их присутствии Олегу не хотелось. В тамбуре стояли трое молодых парней в спортивных штанах и мятых куртках, курили и смеялись. Не годится. Пришлось пройти еще один вагон. Там все та же публика – толстые тетки с корзинами, мужчина с газетой, костлявая девушка в очках, компания не то узбеков, не то таджиков – гастарбайтеры... Позади раздались громкие голоса, Олег оглянулся и увидел, что парни из тамбура идут следом. Неудачно получилось. Шпана ищет развлечения, и он показался подходящей жертвой.

– Эй, ты, слышь?.. – окликнул один из преследователей, белобрысый крепыш на полголовы выше Олега. Под распахнутой курткой у него была белая футболка с какой-то надписью.

Олег ускорил шаг.

– О, гля, узбеки! – перебил белобрысого приятель. – Смотри, дикие совсем, только с верблюда.

– Не, с ишака. – Третий парень тоже принял участие в веселье.

Местные переключились на гастарбайтеров, и Олег решил, что теперь его оставят в покое. До станции недалеко, там все сойдут, ну и конец истории... Но нет – драка началась мгновенно, Олег не успел скрыться в тамбуре. Он окинул взглядом вагон. Ярко-желтые солнечные лучи били наискось сквозь грязные окна. Тетки торопливо крестились и прижимали к себе поклажу, мужчина напряженно уткнулся в газету, будто отыскивал там что-то жизненно важное, девушка устала в окно... В дальнем конце вагона несколько человек поднялись и суетливо направились к тамбуру, откуда появилась компания хулиганов.

Пятеро приезжих и трое местных парней возились между сиденьями, хрипели, матерились. Потом раздался характерный треск разряда. Местные ходят с шокерами, это дало им преимущество. И полиция не запрещает – рядом с Барьером разрешение на шокер не требуется, хамелеонов-то все боятся.

К такому обороту приезжие были не готовы. Двоих гастарбайтеров вырубili сразу, оставшихся прижали в тесноте, повалили на чемоданы...

Олег тяжело вздохнул, представил, как отругал бы его Захар Иванович, но ничего с собой поделывать не мог – ноги сами понесли назад.

Белобрысый парень оглушил электрическим разрядом одного противника и придавил другого к деревянной спинке сиденья. Узбек стиснул его правый кулак с зажатым шокером. Белобрысый замахнулся левым... Олег на ходу ударил портфелем снизу – твердый угол попал белобрысому в челюсть, парень повалился, узбек тут же прыгнул на него, прижал коленями к полу. Костлявые смуглые ладони сомкнулись на шее белобрысого, тот захрипел и попытался оторвать чужака от себя; шокер он выронил. Олег перешагнул через барахтающихся противников, левой рукой ухватил следующего парня за макушку и коротким резким движением при-

ложил его о спинку сиденья. Развернулся и пошел в прежнем направлении, снова аккуратно переступил через узбека и белобрысого, бросив на ходу:

– Полегче, задушишь.

Гастарбайтер не ответил, но хватку на горле парня ослабил.

Наконец Олегу удалось уединиться в тамбуре. Он шагнул за стену, чтобы его не видели из вагона, и поставил пузатый портфель между ног. Напялил парик, поправил торчащие в стороны пряди, извлек из внутреннего кармана очки. И последний штрих – надел поверх куртки мятый плащ, который нес, перекинув через руку. Драка в вагоне уже закончилась – местные сбежали. Один напоследок выкрикнул:

– Мы вас еще достанем, ишаки! Еще встретимся! На пустыре увидимся!

Состав, дребезжа и лязгая, вкатил в тень, в пыльном окне проступило отражение. Олег оглядел свое изменившееся лицо, ссутулился. Из спортивного парня с короткой стрижкой он превратился в лохматого неопрятного ботаника. Годится. Потом в окно ударили солнечные лучи, отражение исчезло, а вскоре в тамбур стали подтягиваться пассажиры. Рядом встал восточный парень, со скрежетом опустил на пол чемодан, перетянутый капроновыми шнурами. Вокруг левого глаза гастарбайтера уже начал расплываться синяк.

Олег сдвинул собственный портфель ногой, освобождая место попутчику. Тот покосился на Олега и неуверенно спросил:

– Эта Лихаслава, правильна?

Похоже, не узнал. Хорошо, если так.

– Лихославль, да. Подъезжаем.

За окном мелькали рыжие бока товарных вагонов, цистерны в черных потеках, сверкающий свежевыкрашенными бортами маневровый тепловоз... Пассажирский миновал стрелку. Пути, забитые товарняком, ушли в сторону, динамик над головой неразборчиво прохрипел название станции, и машинист сбавил ход.

Скрежеща и лязгая, состав замер перед зданием лихославльского вокзала, выкрашенным в розовый цвет. Краска облупилась и выцвела, ее как раз собирались подновить – шестеро рабочих сооружали леса, седьмой неторопливо разматывал шланг. Новенькие белые каски на них казались неестественно чистыми рядом с замызганными спецовками и ватниками.

Олег прыгнул на перрон и осмотрелся. Из соседнего вагона вышла троица гопников. Один заметно прихрамывал, белобрысый на ходу утирал кровь из разбитой губы. Парни, не оглядываясь, пошли к хвосту поезда. Их остановил полицейский патруль; белобрысый стал что-то объяснять, указывая за спину. Гастарбайтеры сгрузили чемоданы. Тот, что спрашивал о Лихославле, пару раз зыркнул в сторону Олега, но помалкивал.

Пассажиры пробирались мимо груды чемоданов и расходились. Олег, задрав голову, разглядел в толпе Захара Ивановича и двинулся к нему.

– Дядя Захар, это я.

– Олечка? – Захар Иванович сперва удивленно уставился на лохматого очкарика, потом широко улыбнулся и протянул руку. – Ты? Ну, будем жить хорошо, сынок.

– Будем, дядя Захар.

Не выпуская ладонь Олега, он притянул парня к себе, отстранил и снова придирчиво оглядел с головы до ног:

– Я ж тебя не узнал! Богатым будешь... – И тихо добавил: – Если сегодня дельце сладится. Всё при тебе?

Олег приподнял портфель.

– Ну, идем, отведу тебя на постой. Отдохнешь, а я по делам мотнусь часа на два. Ну а после пойдем.

Олег обернулся – теперь полицейские разговаривали с восточными парнями. Вроде бы мирно беседуют, гастарбайтеры выспрашивают дорогу.

Свернули с Привокзального переулка на Первомайскую – Олег по пути разглядывал таблички на домах, запоминал дорогу. Захар Иванович толковал о разных пустяках, рассказывал, как он бывал в Лихославле прежде:

– Хороший городок был, зеленый, спокойный... Сейчас все по-другому.

– Из-за Барьера?

– Ну да. Ты же знаешь, строили в рекордно короткие сроки, а инфраструктура до сих пор еще не налажена. Это же прежде всего дороги, а в Лихославле...

– Асфальтовый завод, – закончил фразу Олег. – Я изучил твои записи, инфу поглядел. Со мной в поезде гастарбайтеры ехали.

– Они до сих пор приезжают. Земляки зовут – на завод, на строительство. На севере города дачные поселки снесли, поставили общаги, там от приезжих черным-черно. Официально называется Лихославль-два, а неофициально – Шанхай. Местные без работы сидят, да еще семьи эвакуированных из Сектора... В общем, обстановка безрадостная.

– В Москве тоже сейчас...

– Э, в Москве! – Захар Иванович махнул рукой. – Там хотя бы видимость порядка поддерживают. А что в таких вот городках у Барьера творится – всем плевать. Этим мы и воспользуемся. Рыбу, Олежа, ловят в мутной воде. Ну, вот и пришли.

Гостиница была построена уже после катаклизма, новое здание. Над стеклянной дверью вывеска: «Заря». Проводив Олега в комнату на втором этаже, Захар Иванович кивнул:

– Располагайся, отдыхай, можешь умыться. Если хочешь, часок поспи... Да, ты не голоден? Тут ресторан вполне приличный.

– Спасибо, я есть не буду. – Олег улыбнулся. – Вечером хочу быть злым и голодным.

– Правильно, и помни: сегодня мы обеспечим твое будущее. Университет ты заканчиваешь, нужно определяться с дальнейшим. Сработаем сегодня как следует – и ты получишь возможность заложить, так сказать, фундамент...

– Дядя Захар, ты не волнуйся. Все будет как надо. Не впервые же! До сих пор у нас все шло гладко.

– А ты не расслабляйся. – Наставник заговорил сварливым недовольным тоном и нахмурился, так что морщины обозначились резче. – Гоча – опасный тип, а его сегодняшний напарник, Дроздевич, еще хуже. Он здесь, знаешь ли, царь и бог. МАС вообще тут всем заправляет, так что если мы слажем, то и могилы не останется. Были мы – и не стало, помни об этом.

– Я помню, дядя Захар.

– Ну ладно... – Наставник улыбнулся, и морщинки разгладились. – У тебя два часа, сынок.

Когда дверь за Захаром Ивановичем захлопнулась, Олег подошел к зеркалу и посмотрел на лохматого очкарика, совсем не похожего на привычное отражение.

– Не узнал, богатым буду, – буркнул он, глядя в глаза очкарику. – Будем жить хорошо!

* * *

Капитан Алехин приехал в Лихославль на «Фердинанде» – так сослуживцы прозвали «специальное транспортное средство», или коротко СТС, предназначенное для работы под прикрытием. Корпус древнего микроавтобуса, но двигатель и ходовая мерседесовские. Обычно «Фердинанд» использовался для слежки и скрытной переброски оперативников; да, собственно, и сейчас предстояло нечто в таком роде. Санкции МАС на операцию полковник Коростылев не предъявил, и Алехин подозревал, что непосредственный начальник действует по собственной инициативе. Уж очень малые средства были привлечены в этот раз, вся группа – три сотрудника. Алехин, старший лейтенант Делягин и прапорщик Шартьев. Деля-

гин спал, развалившись на сиденье позади, прапор вел микроавтобус и тихо ругался – бранил дороги, погоду, светофоры и шлагбаумы.

Минут сорок простояли на переезде – товарные шли к Лихославльскому АБЗ непрерывным потоком. На переезде потеряли время, а показывать «корочки» и выставлять на крышу мигалку полковник запретил. Это еще раз убедило Алехина, что операция не вполне законна.

Наконец «Фердинанд» вкатился на улицу, и капитан велел:

– Шартьев, сбрось до двадцати. Шеф будет где-то здесь встречать.

С минуту Алехин разглядывал прохожих. Людей на улице немного, старый Лихославль как был провинциальным тихим городком, таким и остался. Жизнь кипела вокруг вокзала и АБЗ, да на севере, где выстроили спальные районы для новых поселенцев... Наконец капитан узнал шефа. Полковник Коростылев в мятой шляпе и сером плаще прогуливался по тротуару, помахивая свернутой в трубку газетой, – ни дать ни взять бухгалтер мелкой конторы или отставник. Коренастый, плотный, среднего роста, с непримечательным лицом. По такому мазнешь взглядом и тут же забудешь, самая заурядная внешность. Не зная Коростылева, ни за что не увидишь в этом невзрачном человеке умного, решительного и смелого офицера, за чьими плечами десятки сложнейших операций.

«Фердинанд», лязгнув подвеской, притормозил.

– Товарищ полковник... – начал было Алехин, открыв окно.

– Отставить звания, – буркнул Коростылев. – Открывай дверь, я с вами прокачусь.

Делягин выпрямился и зевнул. Полковник нырнул в душное нутро микроавтобуса и устроился позади капитана. Старлей зевнул снова.

– Прямо и на втором перекрестке налево, – велел Коростылев. – Товарищи...

Группа притихла, ожидая распоряжений, даже Делягин зевать перестал.

– Не буду напоминать об ответственности, – продолжил полковник, – мы все давали присягу и помним свой долг. Для сегодняшней операции я выбрал вас, потому что доверяю каждому. Однако все-таки скажу: помните, что ошибиться нам нельзя.

– Действуем без санкции? – Алехин наконец решился задать этот беспокоивший его вопрос.

– Санкция устная, – ответил командир. – Если справимся – мы герои. Если нет – мы преступники. Так что работать следует наверняка. Сегодня на карту поставлено многое. Помните, товарищи: мы российские офицеры, и от нас зависит будущее страны. Лихославль – маленький город, но это часть нашей родины. Подумайте: то, что сейчас происходит здесь, повторяется по всей России...

Алехин мысленно выругался – если шеф давит на сознательность, дело совсем плохо. «Фердинанд» свернул, миновал здание городской администрации, отделение связи. Полковник велел снова свернуть, переехали мост через Черемушку, теперь микроавтобус направлялся к окраине.

– Мы у Барьера, – продолжал Коростылев, – здесь епархия МАС, все под ними. Им Родина доверила безопасность, но нам-то ясно, что они – не мы.

«Они – не мы», – мысленно повторил Алехин. «Мы» – это проверенные, надежные, честные, лучшие из лучших. Капитан привык так думать о себе и о своей службе.

– Посмотрите, – говорил Коростылев, – что здесь происходит. Взятки, злоупотребления, уличная преступность. На заводе работают шабашники, бесправные и потому ненадежные. Местные спиваются, опускаются... те самые люди, которых мы обязаны защищать. А кто стоит за этим? Преступники, их покрывает местная масовская администрация. К таким не должно быть снисхождения – помните об этом, когда начнем работать.

– А что за работа, товарищ полковник? – спросил сзади Делягин. – Инструкций нам не дали.

– Сегодня предстоит уничтожить преступную группировку... Уничтожить, товарищи. Никаких задержаний, никакой пощады. Будем действовать жестко, потому что язвы следует прижигать, иначе уже невозможно... Внимание налево. Вывеска «Светлана». Это наш объект.

Пока проезжали мимо указанного полковником здания, Алехин успел разглядеть вывеску и выцветший плакат за стеклом широкой витрины. На плакате симпатичная блондинка с венком из полевых цветов на голове улыбалась, стоя среди березок. Подпись: «Бюро по трудоустройству».

«Фердинанд» прогромыхал мимо «Светланы». Окна соседнего здания были заколочены, позади виднелась ограда строительной площадки. По карнизу шла серая кошка, у окна она остановилась, задрала мордочку и принялась. Потом сунулась между серыми досками, которыми был заколочен проем, и нырнула внутрь. Что-то в ее движениях показалось Алехину странным – кошка пропала в темноте заброшенной комнаты слишком быстро, будто марионетка, которую дернули изнутри за ниточку.

– Здесь вербуют девушек, – пояснил тем временем Коростылев, – якобы работать официантками. Демография у Барьера сами знаете какая, желающие находятся. Работа сезонная, но обратно клиентки «Светланы» не возвращаются. Понимаете, что это значит? Кроме того, владелец бюро, некто Гочиев по кличке Гоча, – рецидивист. Агентство «Светлана» не главный его бизнес, это только вывеска, а еще под ним наркотики, вывоз контрафактного биотина, вымогательство, подкуп должностных лиц... Таких людей не исправить, это та самая язва, которую только прижигать. Действуете втроем. Я в этой фазе операции не участвую.

– Там в холле четверо, – заметил Шартьев, – шум будет.

– К началу операции там еще больше людей может оказаться, – «успокоил» командир, – к Гоче прикатит его «крыша», уполномоченный МАС Дроздевич. Кроме деловых отношений, они еще и друзья, постоянные партнеры в картах. Оба любят это занятие. Сколько людей окажется с масовцем, не ясно, но кто-то его сопровождает, это точно.

– Будет шум, – согласился с Шартьевым капитан. Он уже прикинул: масовец тоже придется «прижигать», а это уже не просто риск, это пахнет спланированным самоубийством. – И все же какие у нас полномочия?

– О полномочиях позже. Вам помогут. Акция начнется внутри в восемнадцать десять, вы будете здесь наготове. Люди из холла побегут в коридор, тогда ваш выход. На втором этаже бойцы Гочи, человек пять – восемь или около того. Точнее сказать не могу, смотря кого и куда отправят с поручениями. Они среагируют на тревожный сигнал в кабинете Гочи, вы встретите их в холле. Потом, капитан, в подвал, к запасному выходу. И еще в девятнадцать ноль-ноль здесь появится группа телевизионщиков. Алехин, дадите интервью. К тому времени все должно быть закончено...

– Вот насчет интервью... – замялся капитан. – Как-то не очень я в смысле говорить...

– Зато внешность подходящая. Главное – никаких проколов, к концу операции противник должен быть уничтожен, это ясно? Вот тогда и предъявите полномочия, назовете себя. Никто, кроме вас, капитан, не должен попасть в кадр. Все события телевизионщики получают в вашем изложении, только в вашем. В случае провала операции – действовать по обстановке, уходить, следов и улик не оставлять. Прапорщик, здесь налево и подыскивай, где встать. Запаркуешь «Фердинанд», и обсудим детали. В этой операции будет несколько фаз, требующих разъяснения. Особенно это касается вас, капитан...

* * *

О прежней жизни – той, что была до катастрофы, – Олег старался не думать, гнал воспоминания, и ему удавалось сосредоточиться на сегодняшнем дне, как учил Захар Иванович. Но сны – иное дело. Ему часто снились трупы, родители... Обычно такие сны приходили перед

очередным дельцем – вот и сейчас стоило задремать, как возвратилось все, о чем он хотел забыть. Четырнадцать лет пролетели перед глазами как единый миг непрерывного счастья.

Олег родился в дороге. Отец – гимнаст, мама – ассистент иллюзиониста. Труппа как единая семья, все родные, свои. По вечерам – арена, окруженная сотнями незнакомых лиц, вроде бы разных, но в то же время одинаковых. В каком бы городе ни выступал цирк, маленькому Олегу казалось, что в зале одни и те же зрители. Может, из-за выражения лиц? На их выступлении все улыбались, однако это не делало зрителей своими. Даже дрессированная слониха Ванда была ближе и понятнее, чем эти веселые чужаки. Отец взлетал над ареной, маму, улыбающуюся в обшитом бархатом ящике, дядя Илья распиливал здоровенной пилой... и так всегда.

Настоящая проблема была лишь одна – какую из цирковых специальностей изберет Олег? Он уже большой мальчик, ему скоро поступать в училище. Что именно в цирковое – это без вариантов, тут даже вопрос не возникал. Но на кого он будет учиться? Олег выступал с отцом, был верхним в пирамиде. Потом перестал, потому что подрос и больше не умилял одинаковых улыбающихся зрителей. С лошадьми тоже неплохо выходило. Он кормил хищников, снаряжал чародейскую утварь для Иллариона Игнатьевича, которому ассистировала мама, научился гримировать клоуна Гришу. Выбрать профессию было трудно, потому что все выходило у Олега одинаково хорошо, все удавалось.

Счастье закончилось в единый миг, когда поезд, перевозивший труппу, свалился в реку. Объясняли катастрофу по-разному, ссылались на необычайно сильный Всплеск – он, мол, вывел радиоэлектронику из строя далеко за пределами Барьера. Но объяснения Олег услышал уже потом, а тогда... Страшный удар, темнота в глазах, и вода, подступающая отовсюду. Папа разбил окно и вытолкнул Олега из тонущего вагона; мамину ногу зажали упавшие ящики, отец бросился помогать. Олег запомнил кровь на мамином лице, холод, холод, холод повсюду. Вода в реке была ледяная, дыхание мигом перехватило. Олега течением отнесло в сторону – это и спасло его, как после объяснял Захар Иванович, потому что потом стали рушиться конструкции моста. Черная вода несла обломки и тела...

Захар Иванович ехал в том же поезде, они выжили – только двое из трехсот человек, находившихся в вагонах. Мужчина выбрался на берег и выволок Олега. «Там были и другие, – объяснял Захар Иванович ему в больнице, – но взрослого я бы не смог спасти. Просто не утянул бы. А ты был маленький, тощий, я и схватил именно тебя, сынок. Крепко схватил». Олег пришел в себя на берегу, и первое, что он увидел, было лицо спасителя, склонившееся над ним. И голуби дяди Или – белые в сером небе.

«Мы будем жить, парень, будем жить долго и хорошо, – синими трясущимися губами сказал тогда Захар Иванович, – ты только выдержи сегодня. Только бы сегодня...»

Сон схлынул. Скрипнула входная дверь, Олег встал с кровати.

– Только бы сегодня все прошло гладко, – сказал, входя Захар Иванович, – и тогда мы, сынок... тогда мы заживем! Тогда откроется много возможностей! Только бы справиться сегодня.

– Все будет хорошо, дядя Захар. Будем жить хорошо.

Эта фраза стала у них, выживших в катастрофе, молитвой, приветствием и заклинанием.

Захар Иванович кивнул:

– Ну, собирайся, пора. Детали объясню по дороге.

– Дядя Захар, я же все, что вы выслали, просмотрел, честное слово! И план здания, и ориентировки по персонам...

Наставник не слушал, встал в дверях и глядел строго, пока Олег собирался – напяливал парик, плащ и остальные элементы маскировки. Заговорил Захар Иванович, лишь когда они вышли из гостиницы. Вечернее солнце уже нависло над крышами, поперек улицы залегли широкие тени. Никто не спешил, лихославльцы шагали степенно и важно, ныряя в тень и выби-

раясь на освещенные участки. Мирный городок, даже не скажешь, что рядом Барьер и что по ночам на улицы выходят ловчие.

– Гоча сперва будет долго трепаться, Олежка. Особенно упираться на то, какая у него грозная репутация, какой он суровый и скорый на расправу, какое у него крутое прошлое. Это для тебя – запугать попытается, чтобы ты думал не об игре.

– Я сохраняю спокойствие и не пытаюсь играть в крутого.

– Правильно. Можешь показать испуг, но немного, не переигрывай. Дроздевич, вероятно, станет помалкивать и делать вид, что наслаждается ситуацией. На самом деле он будет волноваться. В их паре он главный, Гоча – мелкота, Дроздевич его раздавит, если что. Но игра пойдет на территории Гочи, и кругом будут его люди. Да, учти, в комнате, кроме нас, окажется еще кто-то из телохранителей Гочи и, вероятно, кто-то из МАС. Это уже не из-за нас, это от взаимного недоверия наших противников. Обычно такие вопросы решаются иначе: телохранители сидят в соседнем помещении и смотрят на монитор, а камера – у нас. Но...

– Но рядом Барьер, – монотонно забубнил Олег, поддельваясь под учительский тон спутника, – время от времени Всплески вырубают электронику.

– Правильно. Олежка, я за тебя волнуюсь, поэтому занудствую. Ты заканчиваешь университет, найдешь себе работу, хорошую, честную, пойдешь по жизни вверх и вверх, но для начала понадобятся средства. Этим мы сегодня заняты. Скоро ты сможешь обходиться без меня, а пока что терпи мои стариковские причуды. И вот еще что...

Они выждали, пока по улице прогрохочет грузовик, пересекли проезжую часть. Захар Иванович заговорил снова:

– И вот еще что. Погляди на этих людей.

– Каких, дядя Захар?

– Вот на этих самых прохожих. Видишь? Это простые, хорошие, относительно честные люди. Наши земляки, наши сограждане. Послушайся меня, не причиняй таким зла больше, чем необходимо. Лучше не причиняй вовсе, стерпи, если что. Это просто люди. Те, к которым мы идем на игру, – совсем другие.

– Не сограждане, что ли?

– Они враги. Если бы таких, как Гоча и Дроздевич, не было на свете вовсе, жизнь только улучшилась бы. Поэтому, когда придет время, не сомневайся и бей без пощады. Помни: они враги, а мы участвуем в военной операции. Необъявленная, но от того не менее жестокая война, Олежка, – она повсюду.

– Зачем вы это говорите, дядя Захар?

– Чтобы ты не испытывал жалости в нужный момент. Только сегодня, понимаешь? Мы возьмем куш, и после этого можешь быть добрым сколько угодно. Этот вечер останется в прошлом, и ничто из прошлого не должно тянуться к твоему будущему. Свидетелей не должно остаться, улики тоже. Придется ликвидировать всех, кто сможет тебя узнать. Дроздевич – хитрая сволочь, он не должен уйти ни в коем случае.

– Но я в маскировке! Парик, очки...

– МАС – это сила. Это самая могущественная сила в России. Через них идет основной поток биотина. Кто держит руку на этом потоке, тот хозяин жизни. Они перевернут страну вверх дном, но найдут тебя... нас. Дроздевич занимает достаточно высокий пост, чтобы задействовать возможности МАС на должном уровне. Дроздевич должен умереть. Остальные тоже. Вот, держи.

– Что это? Билет?

– Независимо от того, что случится со мной, Олежка, ты сядешь в этот поезд и уедешь в Москву. Обещай мне. И ты никогда – слышишь, никогда в жизни! – не появишься в Лихославле.

Захар Иванович остановился, Олегу тоже пришлось сдерживать шаг. Наставник пристально смотрел на парня, прямо в глаза, сквозь фальшивые очки, и Олег сказал:

– Обещаю. Что бы ни случилось, я уеду этим поездом.

– Добро. Ну вот мы и пришли. Дом напротив.

Олег поглядел – обычное здание, под крышей темные потеки, но фасад недавно выкрашен, новенькие стеклопакеты, в витрине слегка поблекший под солнечными лучами плакат с изображением блондинки среди березок, над входом вывеска «Светлана».

– Помни, Олежка, – негромко повторил Захар Иванович, – они не люди, они враги. Помни об этом, когда придет время начинать. Ну что, покажем на здешней арене номер из нашего репертуара?

Олег сглотнул, почему-то он ощутил волнение. Никогда прежде Захар Иванович так не разговаривал – жестко, настойчиво. И еще никогда прежде они не готовились убивать. Но наставник уже шагнул ко входу в агентство, Олег пристроился на полшага позади. Опередив их на минуту, к зданию подкатил автомобиль. Вылез здоровенный детина, распахнул дверцу, чтобы выбрался начальник.

– Дроздевич, – тихо пояснил Захар Иванович, придерживая Олега за руку. – Подожди, пусть войдет. Не хочу с ним встречаться в холле.

Дроздевич, представительный мужчина в дорогом костюме, вяло махнул рукой, указывая шоферу:

– Отгони в сторону, не торчи перед входом. Идем, Артур!

Последнее относилось к телохранителю. Тот распахнул стеклянную дверь и, пока Дроздевич проходил, оглядывал улицу, вертя головой. Вряд ли что-то могло угрожать его шефу в Лихославле, где Дроздевич царь и бог, но телохранитель исправно выполнял инструкции.

Когда они скрылись в здании, Захар Иванович сказал:

– Теперь пора. Начинаем в восемнадцать десять, не забыл?

Они вошли. Солнце уже скрылось за крышами соседних домов, в холле ярко горели люминесцентные лампы. Здесь было шесть человек. Пожилой мужчина на табурете у входа; двое крепких парней в глубине холла на диване; типичный клерк в очках и в темном костюме – в углу за столом. По другую сторону стола сидели две девушки, брюнетка и рыженькая. Клиентки, догадался Олег, пришли устраиваться на работу.

– Ну что, – клерк, близоруко щурясь, перебрал стопку документов, – с вами, Татьяна, мы закончили. Как видите, совсем несложная процедура. Всего хорошего, мы вас пригласим, как только подберем подходящее место работы. – Он протянул брюнетке часть документов, остальные скрепил степлером и отложил.

Брюнетка встала, одернула слишком короткую, на взгляд Олега, юбку и стала укладывать бумаги в сумку.

Тут пожилой работник агентства поднялся с табурета:

– А, Иваныч! Шеф уже о тебе спрашивал! Это с тобой?

– Со мной, со мной. – Захар Иванович обменялся с ним рукопожатием. Оба улыбались, как давние приятели. – Здравóво, Петр Кузьмич. Где сам-то?

Олег уже давно перестал удивляться умению наставника заводить друзей в самых различных местах. Вот и этот, вроде бы вахтер или охранник, трясет руку, глядит умильно, как преданный пес. Интересно, сколько бабла ему наставник отвалил, пока дружбу налаживал?

– У себя, как обычно. Массовцы к нему пошли. Темир, проводишь?

Один из парней, плечистый брюнет, покинул диван и сделал приглашающий жест.

Тем временем темноволосая девушка направилась к выходу, а рыженькая пересела на ее стул. В отличие от разбитной брюнетки она выглядела скорее испуганной.

– Так-с... Елизавета Константиновна Шилкова, – забубнил клерк, придвигая другую стопку документов. – Паспорт, будьте любезны, медицинскую карту... Заявление заполните, пожалуйста.

Когда Олег проходил мимо, рыженькая Елизавета Константиновна бросила на него короткий опасливый взгляд и тихо спросила клерка:

– А можно мне аванс получить? Бабушка старенькая, я единственная кормилица, больше некому позаботиться. Мне бы для бабушки, потому что если я уеду...

Больше Олег ничего не расслышал. Сопровождаемые молчаливым Темиром, гости прошли в коридор. Захар Иванович бывал здесь часто, а Олег по пути озибался. Он уже две недели внимательно изучал материалы, которые прислал наставник, – план здания и фотографии будущих партнеров по игре, их краткие характеристики. Захар Иванович называл эти досье «ориентировками». Олегу слово не нравилось – какое-то оно угловатое, старомодное. Но материалы он изучил прилежно.

В кабинете Гочи все было новенькое, аккуратное, как полагается в бюро серьезного предпринимателя. Внешность хозяина плохо сочеталась с офисным интерьером. Гоча был полный, коренастый, рукава красной рубашки закатаны по локоть на волосатых лапищах, под распахнутым воротом тоже топорщилась черная щетина. Дроздевич в дорогом костюме и белоснежной рубашке смотрелся здесь гораздо органичнее. Он по-хозяйски сидел за столом и постукивал сигаретой по полированной поверхности. Гоча расхаживал перед ним и что-то возбужденно доказывал, но, заслышав шаги в коридоре, умолк. Обернулся к входящим, слегка напряженно улыбнулся Захару Ивановичу:

– А, это и есть племянник из Москвы?

Гость представил «племянника». Дроздевич кивнул и назвал:

– Константин.

Артур, телохранитель масовца, расположился в углу. Темир не ушел – остался в дверях, прислонился к косяку и притих.

– Ну а я Гоча, – весело сказал хозяин кабинета.

У них с Дроздевичем, похоже, вышла какая-то размолвка, и Гоча старался не подавать виду, что недоволен.

– Мне дядя рассказывал о вас. – Олег оглядел комнату. Он шурился, будто в самом деле плохо видит. Держался скованно, как и полагается столичному ботанику. Вытащил платок, стал протирать очки.

– Нам тоже дядя о тебе говорил, – кивнул хозяин. – Говорил: такой талантливый математик, в деберце сечет. Ни с кем, говорит, два на два играть не стану, только с ним. А почему? Иваныч, я бы тебе партнера нашел. Неужели ты мне не доверяешь? Думаешь, подставу выкачу?

– Олежка – мастер, поэтому ему доверяю больше. Сейчас сам увидишь. – Захар Иванович подмигнул. – С ним играть – это совсем другое дело, не то что меня, старого дурака, раздевать!

– Ну, тогда к столу, не будем откладывать! – Гоча сделал приглашающий жест. – Эх, люблю я два на два, так люблю!

Олег подошел к столу и поставил на него портфель. Когда расстегнул замок, молчаливый телохранитель Дроздевича встал, приблизился и бесцеремонно заглянул через плечо Олега. Вид туго перетянутых резинками пачек долларов его удовлетворил. Усаживаясь, Олег уронил платок и полез под стол – его интересовало, не прячет ли Гоча что-нибудь интересное под столешницей. Входя в комнату, он заметил, что из-под коврового покрытия под дверной косяк ныряют провода в толстой изоляции. Вырубают здесь Всплески электронику или нет, но какая-то сигнализация, видимо, все же установлена. Если провод из комнаты выходит, значит, он куда-то подключен здесь, внутри. Что-то важное тут есть, в кабинете, – даже не стали шнур прятать под облицовку, чтобы всегда можно было протестировать, если что не так. И ожида-

ния оправдались – тот же самый провод поднимался по ножке стола с внутренней стороны и заканчивался небольшой плоской коробочкой рядом со стулом хозяина.

Пока рассаживались, Гоча не умолкал:

– Сейчас в деберц не играют, это не современно! Все забыли! А я же где учился? На зоне, там из меня человека сделали, там ума в голову вложили. И играли обычно парами, потому что колоды у нас наперечет, а желающих много. Ну и ставки были серьезные – жизнь и смерть, так-то!

Хозяин бросил на стол перед Захаром Ивановичем три карточные колоды в упаковке, тот сдвинул их к «племяннику». Олег взял одну, подкинул в руке, вскрыл. Гоча обошел стол, сел напротив Дроздевича и пристально уставился на Олега.

– Могли и человека проиграть. – Гоча заговорил жестче. – Скажем, выигравшие загадывают цифру. Ну, например, «три». Это значит, завтра проигравшая пара обязана замочить первого, кто встретится, с номером, заканчивающимся на «тройку». На построении или у параша – где бы ни попался такой, у которого номер на «тройку». И мы понимали, что на кону стоит. Жизнь и смерть! Разве сейчас так играют? Ну, покажи, молодой, чему вас в московских университетах учат, сдавай.

Олег поднял колоду – и карты в его руке ожили, будто бы сами собой разделились на три стопки, стали вертеться между пальцами, меняться местами. Казалось, карты живут собственной жизнью, и было странно, что пальцы, случайно затесавшиеся между ними, не мешают картам исполнять вычурный танец.

– Ловко, – бросил Дроздевич. – Ну что, по штуке баксов ставим? По две с пары?

Он чуть повернул голову – молчаливый Артур, повинаясь этому жесту, встал и подал шефу барсетку. Масовец извлек десять сотенных купюр, Гоча добавил свою долю. Пока Олег раздавал карты, Захар Иванович завладел портфелем и вытащил доллары – ставку за их пару. Дроздевич закурил, Гоча тоже, при этом норовил выпустить дым в глаза Олегу и параллельно рассказывал о суровых нравах, которые царят в местах не столь отдаленных. Олег делал вид, что ему мешает дым, морщился и вздыхал. Но когда началась игра, Гоча тут же умолк – стало не до разговоров.

Олег сразу взял «высокий темп», как он это называл: заказывал игру за игрой, не давал противнику назвать собственный козырь, играл жестко и напористо. Гоча сперва посмеивался, и Дроздевич выдал тонкую улыбочку, но Олег «выкатывал» раздачу за раздачей, и они с Захаром Ивановичем набрали пятьсот одно с приличным отрывом, несмотря на два байта.

В следующей партии картина повторилась, хотя Дроздевичу с Гочей удалось в самом начале сделать удачную игру и оторваться на сотню очков. Олег уверенно заказывал мелкие игры, после четырех раздач они с Захаром Ивановичем уже вели в счете, хотя им не везло с картой.

– Силен, студент, – буркнул масовец.

– Математик, – с гордостью отозвался Захар Иванович, – все варианты на раз просчитывает! Ну что, племянш?

– Играем, – объявил Олег.

Гоча выругался – у него на руках была сильная комбинация, и он собирался сам назвать козырь. Через несколько минут он уже отсчитывал проигрыш. Олег нарочно рисковал – хотел «завести» противника, навязать свой темп игры, чтобы Гоча с масовцем увлеклись по-настоящему и были заняты лишь деберцем, когда придет время действовать. В любом случае Олег мог просадить сколько угодно – отдавать проигрыш он сегодня не собирался.

– Ну нет, мне нужно дух перевести, – покачал головой Гоча. – Темир, тащи поднос.

Парень покинул место в дверях, чтобы поставить на стол бутылку коньяка и четыре рюмки. Воспользовавшись паузой, Гоча склонился к Захару Ивановичу:

– Да, что насчет последней поставки?

– Можете высылать, клиент готов встретить.

Олег никогда не интересовался, чем занимается наставник и откуда у него средства. Захар Иванович устроил его в интернат, но не в обычное заведение для сирот – большинство одноклассников Олега оказались из хороших семей, их родители были живы, просто по той или иной причине не могли заниматься воспитанием чад. Содержание в интернате стоило дорого, преподавали там отличные педагоги, не хуже, чем в элитных школах. Сперва Олег не задумывался, во что это обходится Захару Ивановичу, принимал как должное. Наставник обещал, что спасенный им подросток будет жить хорошо, – и держит слово. В труппе было принято исполнять обещания. К тому же Олег, живя в замкнутом цирковом мире, не вполне понимал истинную ценность денег.

Однако вскоре он начал осознавать – из разговоров одноклассников, из подслушанных бесед педагогов и служащих интерната, – что заведение непростое. Несколько раз у воспитанников случались стычки с местными школьниками из обычных учебных заведений, и Олег узнал, что интернатских считают мажорами.

Захар Иванович виделся с подопечным нечасто, всегда привозил небольшие, но дорогие подарки, настаивал, чтобы Олег занимался спортом и упражнялся в цирковых ремеслах, не терял опыт. Когда Олег поинтересовался, не слишком ли дорого он обходится наставнику, тот попросил подождать с этим вопросом: «Скоро сам поймешь». Олег действительно понял – когда наставник организовал первую аферу с его участием.

И деньги у Захара Ивановича всегда были. Сейчас в портфеле лежали его баксы, Олег только взял их в условленном месте и доставил в Лихославль. Какими поставками занимался наставник с Гочей, Олег даже не задумывался. Понятное дело, незаконными, иначе как можно было втереться в доверие к этому преступнику?

От нехоти нахлынувших воспоминаний отвлек Гоча:

– Держи, студент. – Он протянул рюмку.

– Я не пью, – пробормотал Олег, спешно возвращаясь в роль задрота-очкарика.

– Ты что, дорогой? Обидеть хочешь? – Гоча тоже вспомнил свое амплуа людоеда, грозы зоны. – Это от чистого сердца, я ж могу не понять, если не выпьешь.

– Выпей, племян, – поддакнул Захар Иванович, – так полагается в приличной компании.

Пришлось пить. Олег состроил гримасу и украдкой глянул на часы – еще около двадцати минут. Придется потянуть время.

Потом снова пошла игра, Гоча еще раз налил Олегу коньяка, закурил и опять выпускал дым в сторону «студента». Третью партию они с наставником проиграли. Но в четвертой вернули проигрыш. Олег сделал вид, что ему нехорошо, что он играет механически, почти не задумываясь.

– М-минуточку, – запинаясь, попросил он. – Я сейчас... дух перевести маленько.

– Развезло студента, аж очки запотели, – обрадовался Гоча. – Эх, молодой, играешь ты лихо, но жизни-то, жизни настоящей небось не нюхал!

Олег встал из-за стола и подошел к окну. Краем глаза он следил, как поведут себя Темир, по-прежнему занимавший пост в дверях, и Артур, телохранитель Дроздевича. Оба едва покосились на Олега – значит, верят спектаклю.

– Нужно уметь выпить! Иваныч, что ж ты пацана не научил-то? – веселился хозяин.

– Я сейчас, – сипло выдохнул Олег.

Захар Иванович поспешил к нему, что-то забормотал. Воспользовавшись моментом, Олег шепнул:

– У Гочи под столом сигнализация.

– Она не сработает, – тихо сказал Захар Иванович и нормальным голосом продолжил: – Ну как, порядок?

Они возвратились за стол, и игра пошла своим чередом. Олег провел еще три партии в прежней манере – рискуя и бросаясь в авантюры. Проиграли они с Захаром Ивановичем лишь раз. Наставник умело подстраивался под манеру младшего партнера, сам игр не заказывал, ахал и охал, ругая самонадеянность «племяша». Олег ждал, что Гоча заведется, но тот и в самом деле был хорошим игроком – в ловушку не попался. Зато клюнул Дроздевич. Стал заказывать игры с мизерными шансами, изредка вытягивал раздачу, но чаще Олегу удавалось «наказать» противника. Теперь Олег резко сменил тактику, играл лишь наверняка, позволяя Дроздевичу самостоятельно загонять себя и Гочу в безвыходные ситуации. Эти двое уже начали переругиваться, Темир с Артуром больше следили за ними, чем за гостями. Особо наглеть Гоча не решался – помнил, кто здесь главный, но и раздражения не скрывал.

Олег покосился на часы: они показывали «восемнадцать ноль восемь».

Глава 2

Акция

«Фердинанд» проехал мимо агентства «Светлана». Алехин с Делягиным уже надели бронежилеты и разобрали оружие из баулов, Шартьев тоже сидел в боевом облачении за рулем. Поскольку предстояло работать вблизи Барьера, предпочтение отдали простым и надежным АКМС, отказавшись от «игрушек», начиненных электроникой. Все трое оглядели объект. Уже начало темнеть, и ярко освещенный холл просматривался отлично. В холле находились трое мужчин, четвертый куда-то ушел.

– Девчонка там, рыженькая такая, – произнес Делягин, – она ж вроде их клиентка? В смысле, не наш клиент. Ее валить не будем? Полковник сказал: всех, но...

– По возможности гражданка должна остаться живой. Свидетель пригодится, – решил Алехин. Ему просто было жалко несчастную дурочку, аргумент насчет живого свидетеля – это чтобы оправдать нарушение приказа.

Микроавтобус проехал до перекрестка и свернул. Еще один круг по тихим улицам – и подойдет время операции. Делягин и Алехин стали ощупывать снаряжение, потом перешли в конец салона.

* * *

Гоча с партнером уже ругались, не скрывая раздражения.

– Может, сменим колоду? – предложил Олег. Настал его черед сдавать, он потянулся за новой пачкой.

– Ну ладно, – заявил Захар Иванович, – что-то много у меня тут собралось всякого... прибору пока на столе. – Он поставил портфель на колени и стал сгребать купюры со столешницы.

– погоди! – обернулся к нему Гоча. – Сейчас же доставать придется! Сейчас мы...

– Что «сейчас»? – огрызнулся Дроздевич. – Если так будешь играть, Иванычу придется грузовик пригнать, чтобы выигрыш увезти. Ты чего пику заказал? С одной паршивой «бэлой» собрался партию сделать?

– У меня девятка была! – запротестовал Гоча. – И потом, я ж на тебя рассчитываю, партнер! А ты?

– Пора! – рявкнул Захар Иванович.

Он разгреб пачки в портфеле и нащупал спрятанный под ними «Вальтер Р88». Самым опасным казался Артур, первый выстрел предназначался ему. Увидеть оружие телохранитель не мог – Захар Иванович сидел к нему спиной, к тому же Артура отвлекла перебранка шефа с Гочей. Прежде чем грохнул «вальтер», Олег врезал под столом ботинком по колену Дроздевича, тот взвыл от боли, вскинулся и повалился назад вместе со стулом. Захар Иванович развернулся и всадил пулю в лоб Артуру.

Олег уже был на ногах, резкое круговое движение кистями – две карточные колоды разлетелись веером. Перед Темиром закружилось облако вращающихся карт, он непроизвольно отпрянул и упустил драгоценный миг. Захар Иванович как будто неторопливо, а на деле – четким выверенным движением развернулся к нему. Еще выстрел – пуля калибра девять миллиметров вошла Темиру в левую сторону груди.

Дроздевич отпихнул стул и поднялся на четвереньки, рука метнулась под пиджак к наплечной кобуре. Третья пуля из «вальтера» настигла масовца.

Олег уже свалил Гочу на пол и вырубил коротким резким ударом. Выстрелы должны были услышать в холле, но там оставался лишь один опасный боец, тот, что сидел с Темиром на диване, – вахтера Петра и щедущего клерка в расчет можно было не принимать. Олег бросился к двери и шелкнул замком. За спиной грохнул четвертый выстрел – Захар Иванович прикончил лежащего в беспомощности Гочу. Они с Олегом сгребли купюры со стола, Захар Иванович бросил туда же приятно округлую барсетку Дроздевича.

– Олечка, у Гочи в кармане ключи, отпери сейф. Я держу дверь.

Олег склонился над мертвецом, бросив через плечо:

– Он успел ткнуть в кнопку под столом. Может, уйдем сразу?

– Сигнализация не сработала. Действуй, сынок, действуй. Ключи не забудь унести с собой, пальчиков не оставляй.

Олег отыскал в кармане мертвеца связку с пижонским брелоком, бросился к сейфу, на ходу перебирая ключи. В дверь забарабанили кулаками, охранник звал Гочу. Захар Иванович вскинул «вальтер» и всадил в створку четыре пули на уровне груди. В коридоре вскрикнули, тяжело съехало по стене тело...

И тут всё заглушили грохот, треск, рев двигателя и звон осыпающейся витрины.

* * *

Ровно в восемнадцать пятнадцать «Фердинанд» подкатил к зданию агентства по трудоустройству «Светлана». Бронированный «мерседес» Дроздевича был припаркован в стороне, перед соседним зданием, заброшенным, с заколоченными окнами. Водитель, выставив ноги наружу, курил, и появление на улице обшарпанного микроавтобуса его не беспокоило. Шартьев проехал мимо «мерса», притормозил и врубил задний ход. Он заранее крикнул офицерам, расположившимся у задней дверцы, чтобы уперлись ногами. «Фердинанд» ударил задом по бамперу массовского автомобиля, столкновение вышло жестким. Водитель «мерса», не ожидавший подобного, не успел ни выскочить, ни втянуть ноги в салон. Машину тряхнуло, он стал валиться наружу, закрывающаяся бронированная дверца саданула его в лоб. Водитель свалился на асфальт и больше не двигался.

Шартьев вывернул руль, подал микроавтобус вперед – и въехал задом в застекленную витрину «Светланы». Охранник, обычно скучавший на диване, уже был в коридоре, перед дверью шефа, через считанные мгновения его должны были настичь пули, выпущенные Захаром Ивановичем. Вахтер покинул табурет у дверей и стоял у выхода из холла, наблюдая, как охранник колотит в запертую дверь. Клерк как раз закончил оформлять документы Лизы Шилковой и тревожно оглядывался. Девушка торопливо складывала бумаги в сумочку и не замечала, что сотрудники агентства обеспокоены. Тем большей неожиданностью для нее было появление «Фердинанда».

Вопреки заверениям Захара Ивановича, сигнализация в кабинете Гочи работала исправно. Бойцы на втором этаже здания «Светланы», услышав сигнал, кинулись к монитору. Они отлично видели, что происходит в кабинете шефа. Замешкались же по единственной причине – охранник, сидевший у монитора, не поверил своим глазам. Опомнился он, только когда прозвучал сигнал тревоги.

Схватив оружие, парни гурьбой бросились к лестнице. Они спешили перехватить убийц, пока те не покинули кабинет. В суматохе не сообразили, что означают грохот и звон стекла, появление эфэсбэшников застигло их врасплох.

Когда «Фердинанд», осененный ореолом из осколков витрины, появился в холле, задние дверцы кузова распахнулись и Алехин с Делягиным мягко спрыгнули на пол. Спускающиеся по лестнице бандиты оказались прямо перед ними. Те, кто бежал впереди, не успели даже удивиться – пули из двух АКМС, выпущенные с близкого расстояния, изрешетили их.

Перепуганный очкарик-клерк вскочил из-за стола – прапорщик Шартьев уложил его двумя выстрелами. Ошалевшая Лиза Шилкова замерла, прикрывая голову сумочкой. В нее никто не стрелял, но девушка была испугана до беспамятства, она не могла пошевелиться, даже закричать не сумела.

Двое уцелевших бойцов из тех, что пытались прорваться со второго этажа, бросились назад. Алехин выпустил им вслед остававшиеся в магазине пули. Ответом был крик раненого бандита.

– Одного вроде достал... Делягин, заканчивайте наверху!

Меняя на ходу магазин, капитан бросился к выходу в коридор, там кто-то крикнул:

– Иваныч, это чего?.. Чего ж ты...

В ответ ударили пистолетные выстрелы.

* * *

Захар Иванович покинул кабинет Гочи первым, Олег прихватил «глок», принадлежавший Дроздевичу, и портфель с «выигрышем» тоже был при нем. Стрелял Олег неплохо, тренировался в тире – на этом тоже в свое время настоял опекун, но боевого опыта он не имел и предоставил Захару Ивановичу идти впереди. Тот распахнул дверь, перемахнул через застреленного охранника и присел с пистолетом у противоположной стены. Из дальнего конца коридора на него растерянно смотрел вахтер Петр, вооруженный лишь шокером:

– Иваныч, это чего?.. Чего ж ты...

Захар Иванович хладнокровно всадил в грудь «приятелю» две пули и бросил:

– Олег, за мной.

На ходу меняя магазин, старший партнер устремился по коридору к неприметной, окованной стальным листом двери. Она была не заперта, Захар Иванович распахнул ее и нырнул в темноту, Олег следом. За спиной с опозданием прозвучало:

– Стоять! Стоять, или стреляю!

Грохнул одиночный из АКМС. Пуля ударила в потолок, посыпалась штукатурка...

За дверью была лестница, ведущая вниз, в подвал. Сбегая по ней, Захар Иванович объяснил Олегу:

– Первый был в воздух, вторым он будет по ногам метить, не отставай! Это ФСБ, они проводят операцию и зачистят здесь за нами. Я нарочно так подгадал, к их появлению.

Два коротких пролета – и беглецы выскочили в подвальное помещение. Низкий и широкий зал с вереницей квадратных в сечении бетонных колонн, у стен в полутьме виднеются металлические стеллажи, заставленные ящиками. Склад. Гоча выкупил соседнее здание и собирался устроить под ним подземный гараж с переходом сюда. Вообще планы у него были далеко идущие...

Беглецы бросились вдоль стеллажей, оставляя в тени. Гулкое эхо их шагов гуляло между колоннами. Сперва Олег держался позади. План здания, включая подвал, он изучил по материалам, присланным опекуном, так что мог бы и самостоятельно выбраться наружу, но в их паре всегда действовало правило – Захар Иванович в подобных ситуациях идет первым. Только сейчас наставник двигался слишком медленно, притормозил, протискиваясь мимо гидравлической тележки, оставленной грузчиками между колоннами. Олег, чтобы не задерживаться, побежал по центральной галерее и, вернувшись в тень к стеллажам, оказался впереди.

– Жми, Олежа! – прикрикнул сзади наставник.

Олег уже видел аппарат, ведущую к массивным воротам, сваренным из стальных листов и усиленным уголками, когда сзади снова раздалось:

– Стоять! Стреляю!

Захар Иванович на бегу выбросил руку с «вальтером» назад и выпустил две пули не целясь. В ответ громыхнул АКМС. Звук выстрелов, многократно повторенный эхом, наполнил гулкий подвал.

– Олег, ворота! – скомандовал наставник.

Он развернулся, поднял пистолет двумя руками и ждал, когда преследователь покажется, но тот, как и беглецы, держался тени. Когда эхо, порожденное выстрелами, стихло, стало слышно его хриплое дыхание, приближающийся топот... Захар Иванович открыл огонь. Он не видел того, кто гнался за ними, просто старался заставить его остановиться и укрыться за колонной. Нужно было выиграть время для Олега, который возился с запертыми воротами. Снова ударил АКМС, преследователь стрелял из тени.

Наконец Олегу удалось справиться с замком, он навалился на тяжелую створку, в лицо повеяло свежестью. Только теперь Олег ощутил, какой спертый воздух был в подвале. Он выскочил наружу; позади тяжело топал Захар Иванович. Раздались выстрелы АКМС – рядом, преследователь успел подобраться совсем близко. Захар Иванович вскрикнул и стал оседать на бетонный пол. Олег оглянулся, метнулся к наставнику. На ходу сделал несколько выстрелов наугад, подхватил Захара Ивановича под руку и выволок наружу – в сумерки.

– Олежа, – странно изменившимся голосом прохрипел наставник, – беги...

Ловкий подвижный мужчина вдруг превратился в неподъемно тяжелую ношу, сделался неуклюжим и вялым. Олег волок старшего товарища и с каждым шагом все отчетливее понимал: случилось страшное, непоправимое, случилось такое, чего случиться никак не должно было. Это неправильно! Нечестно! Они же справились, всё получилось, им удалось... как же так?..

– Дядя Захар! Дядя Захар!.. Ну же... Ну что ж ты, ведь мы ушли...

– Беги, Олежа, – едва слышно прошептал наставник, – ты обещание дал.

Преследователь пока что не появлялся в воротах, Олег то и дело бросал туда взгляд, потом снова всматривался в лицо Захара Ивановича. Стрелять он не мог – в левой руке портфель, а правая, сжимающая «глок», опущена под весом оседающего на асфальт Захара Ивановича. Но секунды утекали неотвратно... Наставник не двигался. Олег аккуратно опустил безвольную ношу на асфальт и выпрямился. Он снова остался один – как в тот миг, когда отец выпихнул его из окна вагона, медленно и неуклонно погружавшегося в черную ледяную воду... И мир Олега раскололся – как и в тот проклятый день. Мир развалился на части, как состав, слетевший с моста, как тот самый мост. И исправить сломанную вселенную было не в силах Олега. Он отступил в тень – шаг, потом еще, еще. Невыносимо тяжело было уходить от тела, которое только что было Захаром Ивановичем, единственным человеком, которого Олег включал в понятие «свой». Темный двор, Лихославль, вся земля стала неприветливой и чужой. Один, он остался совсем один.

Олег пятился, поднимая пистолет. Вот в воротах склада, в полосе электрического света показалась тень – преследователь стоял у выхода и, похоже, не решался подставиться под выстрел. Олег отступил к стене, слился с ней, растворился в темноте. Он продолжал пятиться. От ворот и лежащего Захара Ивановича его отделяло полтора десятка шагов... два десятка...

Олег повернулся и побежал.

Глава 3

Черный пояс России

Шартьев и Делягин атаковали двоих бандитов, укрывшихся на втором этаже. Те отдали лестницу без боя и заперлись в комнате для охраны, оборудованной пультом слежения. Дверь долго не продержалась. Старлей длинной очередью разнес в щепки дверное полотно вокруг замка и ногой распахнул створку. Изнутри ударили pistolетные выстрелы, но атакующих это не могло остановить – все было кончено меньше, чем за минуту. Шартьев, пригибаясь, метнулся в комнату, более рослый Делягин дал очередь поверх его головы, заставив бандитов спрятаться за мебель, затем рванул за товарищем.

Кровавый след вел от двери к дивану – за ним укрылся раненый. Делягин прошил диван пулями и, дождавшись звука грузного падения, сноровисто сменил магазин АКМС. Из-за шкафа показался pistolетный ствол, последний из людей Гочи выстрелил наугад раз, другой, затем его настигли пули из автомата Шартьева.

Делягин прошелся по комнате, остановился перед пультом слежения, подумал и расстрелял монитор и панель управления.

– Зачем? – спросил прапорщик, извлекая кассету с видеозаписью игры в кабинете Гочи. – Вот это нам нужно изъять.

– Не изъять, а уничтожить, – напомнил Делягин. – Помоги-ка.

Вдвоем они перетащили мертвого бандита к пульту и опустили тело на расстрелянную панель управления – теперь пулевые отверстия в технике были вполне уместны. Огонь по противнику на поражение хорошо объяснял уничтоженную систему слежения. Потом занялись кассетой, для этого был приготовлен пузырек с кислотой...

* * *

Когда началась перестрелка, Лиза Шилкова, преодолев оцепенение, сползла со стула и затаилась, сжавшись в комочек. Гремели выстрелы, кричали умирающие, под ботинками эфэсбэшников хрустели и звенели обломки разбитой витрины... Девушка в отчаянии огляделась, на глаза попался клерк, который так вежливо беседовал с ней всего лишь минуту назад. Сейчас его лицо было изуродовано пулевым отверстием.

Лиза, не помня себя от ужаса, вскочила и бросилась сквозь разбитую витрину наружу. Под каблуками трещали и разьежжались обломки стекла, ноги подгибались, колени сделались ватными.

* * *

Водитель Дроздевича зашевелился на асфальте, подтянул ноги и сел. Из широкой ссадины на голове сочилась кровь, перед глазами все плыло, вспыхивали разноцветные круги. Он глянул на расколотое стекло с обрывками плаката, изображающего блондинку с березками, на передок «Фердинанда», маячивший в проломе. Заполз на сиденье «мерседеса» и нащупал головку ключа зажигания. Взревел двигатель, «мерс», вихляя из стороны в сторону, покатил по улице прочь от разгромленного агентства, где на втором этаже еще шла перестрелка.

Лиза, услышав, что ее догоняет автомобиль, побежала. Она метнулась прочь от проезжей части – к дому с заколоченными окнами, позади которого находилась строительная площадка. Яркий ослепительно-белый свет фар выхватил ее из темноты, Лиза увидела перед собой собственную тень на стене...

Контуженный водитель не справился с управлением, бронированный «мерс» влетел на тротуар и врезался в стену рядом с замершей девушкой. Тяжелая машина на треть вломилась в здание, сминая капот гармошкой и раздирая в клочья обшивку... По стене поползли трещины. Лиза завизжала.

Стена начала рушиться, перекрытия обвалились, куски кладки и подгнившие стропила посыпались на тротуар, дождем потекли обломки шифера... Здание осело, похоронив под собой заглухший «мерседес» и Лизу.

На миг стало тихо. Потом под весом обрушившейся стены проломились перекрытия первого этажа, груда обломков вздрогнула еще раз и ухнула вниз, заполнив подвал.

* * *

Капитан Алехин прошел по складу. Одна лампа под потолком светила неровно, то разгоралась, то гасла, эти вспышки заставляли тень офицера прыгать, тень удлинялась, сокращалась да еще раскачивалась в такт шагам. Капитан глядел на собственную тень и думал, что он все сделал верно. Ни в чем не случилось осечки, операция прошла в строгом соответствии с планом Коростылева. Все, кого пришлось ликвидировать, были преступниками, врагами. «Это война», – сказал полковник. Так и есть: война. На войне смерть врага – это победа, это доблесть солдатская. Бандиты Гочи и крышевавшие их сотрудники МАС были врагами, они проиграли схватку и погибли. Хорошо бы так выходило всегда: враги убиты, схватка выиграна. Мелочь вроде бы – ликвидация одного из сотен очагов преступности в маленьком городке. Но если так будет каждый день, страна воспрянет. Сегодня капитан Алехин сражался за свою страну. И предстоял еще один бой – интервью телевизионщикам.

Алехин поглядел на часы: остается восемь минут. Нужно собраться с мыслями, вспомнить инструкции слово в слово. Легче было бы провести еще одну схватку, а говорить он не любил. Но война – это не всегда легкие задания. Придется попотеть.

Капитан поднялся по лестнице, прислушался, шагнул в коридор. В кабинете было тихо, с другой стороны – из разгромленного холла, – наоборот, звуки неслись волной, перекрывая друг друга и сливаясь в привычную какофонию: крики, вой сирен, гул нескольких двигателей. Искривленный мегафоном хриплый голос призывал:

– Сопротивление бесполезно, выходить по одному с поднятыми руками! Повторяю: сопротивление бесполезно! Выходить...

Капитан прошел по коридору навстречу мегафонному реву. Холл освещали несколько уцелевших люминесцентных ламп, сквозь разбитую витрину били лучи фар подкативших автомобилей, моторы снаружи гудели, машины продолжали прибывать. По стенам бродили синие и красные отсветы мигалок, а в грудях битого стекла на полу при этом вспыхивали разноцветные искорки.

С лестницы окликнул Делягин:

– Капитан, у нас чисто! Сыграли как по нотам!

– У меня порядок, – откликнулся Алехин.

– Что с этими будем делать?

– Сейчас выйду, поговорю с ними. На всякий случай страхуйте, мало ли что... Видишь, прикатили дилетанты. Здесь толпой стоят, а выход со склада не перекрыли. От таких чего угодно можно ожидать.

– Может, пуганем их? Неохота как-то, чтобы вы к ним выходили. Нервишки не выдержат у одного лопуха – и привет. Я серьезно. Ну их к чертям, еще разговаривать. Пара световых гранат, рывок к «Фердинанду» и...

Старлей, конечно, говорил не всерьез. Приятно пошутить, зная, что вполне способен эту шутку разыграть по-настоящему. Делягин был уверен, что троим спецам по силам пройти сквозь оцепление местных сотрудников МВД, или кто там надрывается в мегафон.

– Отставить рывок. Это наша работа, товарищ старший лейтенант. – Капитан снова взглянул на часы – до появления телевизионной бригады оставалось шесть минут. – Операция продолжается. Ваша с прапорщиком задача – страховать меня. Выхожу через минуту.

Делягин кивнул и побежал по лестнице на второй этаж – передать приказ прапорщику. Отсчет времени, распланированный полковником Коростылевым, не прекращался, операция проходила по графику. Минутой позже Алехин дождался паузы в хриплом крике снаружи и проорал:

– Эй, снаружи! Выхожу с поднятыми руками! Будьте готовы!

После этого мегафон заткнулся, да и моторы больше не гудели, наступила напряженная тишина.

Капитан тяжело вздохнул, аккуратно положил АКМС на пол и направился к разбитой витрине, в которой темной тушей торчал «Фердинанд» с распахнутыми дверцами. Дойдя до середины холла, Алехин поднял руки – в левой служебное удостоверение – и дальше шел медленно и плавно, как балерина в «Лебедином озере». Он, можно сказать, шкурой ощущал десяток направленных на него стволов. У какого-нибудь шибко нервного очко сыграет, прижмет он потным пальчиком спусковой крючок – и начнется пальба. Старлей с прапорщиком сейчас замерли в простенках между окнами, стволы задраны, оба бойца готовы открыть огонь, едва лишь что-то пойдет не так...

Алехин, хрустя ботинками по битому стеклу, вышел в пролом, под ногами зашуршала бумажная блондинка с березками. В глаза бил свет фар, капитан зажмурился и несколько секунд не двигался, давая возможность разглядеть поднятые руки и удостоверение. Он направился к замершим позади служебных машин полицейским, на ходу выкрикивая:

– Я – капитан Алехин! Федеральная служба безопасности! Провожу операцию! Вот мое удостоверение!

Алехин отметил, что и в самом деле имеет дело с дилетантами: ему позволили подойти вплотную к машинам, вот и старший эмвэдэшник навстречу поднялся. Будь на месте капитана преступник, сейчас заставил бы их попрыгать...

– Вот мое удостоверение, – повторил Алехин. – Руки-то могу опустить?

Полицейский майор изучил его «корочки», вернул и взял под козырек. В провинции еще сохранилось почтение к федеральной службе, а в Москве бояться только МАС.

– Что здесь произошло, капитан? – спросил полицейский, потом запоздало представился: – Майор Кононенко.

– Пока не могу сказать точно, начали не мы. В здании агентства была перестрелка, полно убитых. Будем разбираться, у нас на эту «Светлану» уже давно материал собран. Товарищ майор, рассчитываю на ваше содействие. Оцепите место преступления, никого не допускать. Я вызову наших специалистов, до тех пор здание закрыто для всех.

Тут подкатил ярко размазванный микроавтобус, остановился позади полицейских легковушек, из него вывалила толпа с микрофонами, камерами, защелкали фотоаппараты, слепя вспышками. Майор Кононенко кинулся к телевизионщикам, широко раскидывая руки, будто собирался ухватить всех в охапку и сунуть обратно в микроавтобус:

– Стой! Куда?! Запрещаю!

– Отставить, товарищ майор, – устало сказал Алехин. Он поднял ладонь, прикрывая глаза от вспышек, и обернулся к репортерам: – Я провожу эту операцию, готов сделать заявление для прессы...

Глава 4

Ночные улицы

Когда появились телевизионщики, бойцы, стоявшие в оцеплении, бросились к пестрому микроавтобусу, поэтому никто не видел, как обломки кирпича и шифера на руинах соседнего здания зашевелились. Приоткрылась задняя дверца «мерса», водитель выбрался из-под обвала и, держась за окровавленную голову, побрел в темноту. Постепенно головокружение прошло, ноги теперь дрожали меньше, масовец побежал. Он не понимал, что случилось, и хотел одного: добраться к районному штабу МАС на Первомайской, там доложить дежурному, и пусть решают, а его – в санчасть.

Как обычно, с наступлением темноты улицы опустели. Местные заперлись и закрыли ставни. Боялись хамелеонов, а еще больше – ловчих. Не лицензированных, вставших на учет в Ловчем клубе, а шпану, которая охотилась на свой страх и риск, скрываясь от людей МАС. Эти могли не только хамелеона оприходовать. Бывало, на людей нападали. Близость Сектора списывала многие преступления.

Тем удивительнее выглядел одинокий прохожий – среднего роста, в плаще и с пузатым портфелем. Ловчие редко ходили поодиночке и без собак, натасканных на хамелеонов, а ночь была временем ловчих. Еще водителю бросились в глаза лохматые растрепанные волосы незнакомца. Точно такая же прическа была у парня, который вошел в «Светлану» с Захаром Ивановичем вслед за шефом. Захара Ивановича водитель в лицо знал, а этого очкарика сегодня увидел впервые.

Потом случилось еще кое-что странное – на мосту прохожий остановился, содрал с головы лохматый парик и швырнул в Черемушку, туда же отправил очки, затем скинул плащ... Теперь это был спортивного телосложения парень в кожаной курточке и с короткой стрижкой, ничуть не похожий на ботаника, вошедшего в бюро по трудоустройству.

Шофер передумал бежать в штаб и последовал за подозрительным парнем.

* * *

Олег брел по темной улице. В голове было пусто, на душе муторно. Один, он снова остался один...

Он не чувствовал ни усталости, ни волнения после пережитой погони, только пустоту. Захар Иванович был для него вторым отцом, даже больше чем отцом – вытащив Олега из ледяной реки и взяв на себя ответственность за судьбу спасенного, дядя Захар занял то место в его душе, которое прежде принадлежало всей труппе, десяткам людей и дрессированных животных – тем, кого Олег считал «своими», кто служил посредником между ним и внешним, чужим, миром. После катастрофы жизнь Олега всегда шла по плану, придуманному Захаром Ивановичем: интернат, университет, спортивные секции и время от времени рискованные предприятия, которые они непременно совершали вдвоем. Никогда никаких соучастников – ни единого человека, кому Олег доверился бы хоть чуть-чуть.

Только то, что советовал Захар Иванович. Вся жизнь – по его советам. Когда Олег перешел в выпускной класс, опекун сказал: «Налегай на биологию. В наше время все решает биотин. У России монополия, а это продукт больше чем просто стратегического значения. Кто контролирует Сектор, кто сидит на биотиновом трафике, тот держит руку на пульсе человечества. А может руку и на горло сдвинуть. Постарайся держаться поближе к этой теме».

Олег поступил на биологический факультет. Учился старательно. Конечно, лекции пропускал, если случалась операция с наставником, но непременно наверстывал упущенное.

И вовсе не потому, что был таким прилежным студентом — ему не хотелось подводить опекуна. Тот велел учиться старательно, Олег так и поступал. Всегда только так: слово Захара Ивановича становилось для него законом. А теперь опекун мертв, застрелен каким-то эфэсбэшником. В спину. Кулаки сжались сами собой.

И тут Олег наконец сумел сформулировать мысль: нужно отомстить. Это поможет хотя бы отчасти заполнить пустоту, в которую превратилась душа. Отомстить – и сразу станет легче.

А ноги тем временем сами несли его к вокзалу. В кармане лежал билет на московский поезд: последняя воля Захара Ивановича. Он ведь так и сказал: «Что бы ни случилось, ты должен уехать».

Перед мостом Олег остановился, подобрал два увесистых камня и сунул в карманы. Поднявшись на мост, он начал избавляться от улик. Весной Черемушка сделалась полноводной, течение стало достаточно сильным – оно унесет и похоронит навеки все лишнее. Парик и очки полетели в воду, за ними – плащ, тут-то и пригодились камни в карманах, утянули на дно. Олег полез в портфель и вытащил барсетку Дроздевича. Взял деньги и быстро перебрал оставшееся – визитки, два вырванных из блокнота листка с неразборчивыми каракулями... это не пригодится. Бумаги он, чиркнув зажигалкой, тут же сжег. Когда ветерок унес быстро умирающие искорки, Олег достал связку ключей Гочи, протер их гигиенической салфеткой, сунул в барсетку и зашвырнул подальше. С гулким бульканьем барсетка утонула. Оставалось последнее: «глок» Дроздевича. Это опасная улика, но другого оружия у Олега не имелось, и от пистолета он решил избавиться позже.

Он еще постоял с минуту, глядя на блики, пробегающие по волнам. Где-то позади едва слышно завывали сирены: полиция, «Скорая», возможно, еще какие-то службы...

Олег пошел к вокзалу. Времени до прибытия поезда было достаточно, он не спешил. В тени у забора негромко тявкнула собака, Олег замедлил шаг. Из темноты навстречу ему выступил человек. Олег узнал давешнего белобрысого парня из поезда.

– А, вот и встретились, – осклабился тот. – Ну что, потолкуем?

Сейчас белобрысый изображал ловчего. Куртка на нем была перетянута ремнями, на поясе болтался здоровенный широкий нож в новеньких ножнах, парень поигрывал шоке-ром. В другой руке был поводок, перед ним трусило нечто лохматое и кривоногое – должно быть, этому чуду предназначалось исполнять роль охотничьего пса, натасканного на хамелео-нов. Впрочем, зубы у псины были здоровенные, а челюсти мощные, это Олег отметил, когда дворняга оскалилась и издала утробное ворчание. «Их должно быть трое. Где остальные?» И тут же он почувствовал, что чужая рука взялась за ручку его портфеля. Над ухом прозвучал си-пль-ый го-лос:

– Дай-ка дяде чемодан, он поможет.

Надо признать, парни двигались совершенно бесшумно – если бы не захотели сперва попугать противника, все могло бы закончиться куда хуже. Но Олег отлично изучил манеру этого хулиганья: будут долго грозить, показывать, какие они крутые. Жертве по их сценарию полагалось бы сейчас вцепиться в портфель, дергать его к себе, упрасивать, озираться в поисках подмоги... Разумеется, Олег этого делать не стал. Оставив ношу в руке самозванного ловчего, он шагнул вперед и врезал правым кулаком в лицо белобрысому – тот отшатнулся. Олег сделал еще шаг и добавил левым. Белобрысый опустился на колени, сжимая разбитое лицо, между пальцами просочилась струйка крови. Вот такого гопник никак не ожидал.

– Взять его, Герман! – прохрипел он, выпуская поводок.

Дворняга села и, склонив лохматую башку набок, с интересом уставилась на Олега. Животные его никогда не обижали – такая была у него особенность, неизменно умилявшая всю труппу.

Когда Олег обернулся к оставшимся позади парням, те только-только начали соображать, что игра в крутых ловчих не вышла и жертва ведет себя не по правилам. Для лучшего понимания Олег направил на них «глок» и приказал:

– Портфель сюда. Спасибо, что подержал. – Завладев портфелем, он сделал несколько шагов назад, не опуская ствол, потом рывкнул: – Исчезли! Быстро!

Парни попятились, растворяясь в тени, и Олег тоже поспешил покинуть это место.

Парой минут позже «крутые ловчие» заметили нового прохожего – это был шофер Дроздевича. Он наблюдал сцену издали и теперь решил немного отстать от преследуемого, раз тот вооружен. Шофер не слышал, что сказал Олег парням, но смысл произошедшего был понятен. Масовец видел «ловчих» и замедлил шаг еще на подходе. Направил пистолет туда, где укрылась троица, и коротко бросил:

– Ко мне!

Гопники, переглядываясь, выступили на свет. Эта ночка выдалась на редкость странной. Можно сказать, стечение неудачных обстоятельств. Прокатили, завывая сиренами, полицейские машины, потом еще и «скорая»... И вот теперь по их улице шныряют вооруженные типы с замашками киношных гангстеров.

Лохматый Герман, скаля клыки, облаял чужака, но белобрысый потянул за поводок и заставил пса подавиться рычанием. Вид у масовского водителя был решительный, а свежие ссадины на лице подсказывали, что этому человеку сейчас не до шуток и лучше его не злить.

– Здесь прошел пацан с портфелем, – сказал шофер, водя стволом перед растерянными лицами местных. – С вами постоял немного. Куда он двинулся?

– Туда, по улице, – указал парень, хватавший портфель.

– К «железке», наверное, – добавил белобрысый, – он на часы смотрел, а московский поезд через полчаса.

– Мы ж только спросить его хотели кое о чем, а он... – промямлил третий.

– Заткнись, – буркнул масовец, – и пошли прочь. Охотнички...

Ловчие (не шпана, а настоящие охотники) с недавних пор были под МАС, которое всем выдавало лицензии и обязало сдавать добычу в Ловчий клуб, а это хулиганье следовало бы приструнить. Но сейчас водителю было не до них, он боялся упустить объект наблюдения. Дождавшись, чтобы парни отступили в тень (пес при этом упирался, скалил зубы и пытался рычать, натягивая поводок), масовец побрел к вокзалу.

Глава 5

Немного правды в прямом эфире

Алехин закончил говорить. Выдал все, что ему вдолбил на инструктаже полковник, и вроде бы ничего не напутал... Дикторша, яркая брюнетка с хорошей фигурой, округляла глаза, слушая рассказ, качала микрофоном перед носом Алехина и ахала. Капитану казалось, что она слишком нарочито удивляется, но это не было его заботой, ему бы только изложить все, что велено. Потом он повел брюнетку и оператора с камерой внутрь. Прапорщик шел позади и следил, чтобы телевизионщики ничего не трогали руками; Делягин остался караулить вход – ни один человек, кроме журналистки с оператором, в здание попасть не должен был.

Последствия бойни на втором этаже журналистам показывать не стали. Капитан проводил их в подвал, продемонстрировал запаянные контейнеры, спрятанные в коробках с продукцией местной перчаточной фабрики, вскрыл один. Брюнетка возмущенно комментировала:

– Биотин, стратегическое сырье, с риском для жизни добываемое нашими специалистами, здесь, как видите, хранится тайно. Нет сомнений, что это контрафактный продукт. Благодаря действиям сотрудников ФСБ утечка перекрыта, но сколько еще таких преступлений совершается у Барьера!

Шартьев любезно поворачивал ящик, чтобы лучше было видно. Оператор, согнувшись в три погибели, обошел вокруг, снял с разных сторон вскрытый контейнер, потом попятился, скользя объективом вдоль штабеля одинаковых ящиков...

Ожил мобильник в кармане Алехина, отошедшего в сторонку. После окончания операции капитан включил его, но до сих пор не было ни единого звонка.

– Товарищ капитан, – прозвучал в трубке голос Коростылева, – поздравляю. Отличная работа. Сейчас смотрю ваше интервью. Впечатляет. Честное слово, впечатляет!

– Так это прямой эфир, что ли?.. – промямлил Алехин. Блин горелый! Его видела вся Россия!

– Так точно, прямой. – В голосе полковника звучало торжество. – Теперь можете передать своим людям, чтобы дышали ровнее. Вам непосредственная опасность больше не грозит. Раз вся информация прозвучала в прямом эфире, как свидетели вы больше не опасны. Ликвидировать вас смысла нет.

– А этот канал не прослушивается?

– Пусть слушают. Дело-то сделано. Так что невинных овечек мы строить из себя не станем. Мы сделали рискованный ход, мы действовали сознательно, и нам удалось провести партию успешно. Наша группа выехала, до их прибытия никого в здание не пускать. До связи, Алехин.

Капитан опустил мобильник. Рядом с контейнером заливалась журналистка, щебетала хорошо поставленным голосом. Да, дело сделано. Сейчас масовское начальство будет торговаться с руководством ФСБ, искать компромисс, то есть предложит сдать Дроздевича, но повесит на покойного все грехи. Глубже ФСБ копать не станет, а взамен получит кое-какие уступки. Ради чего они с Делягиным и Шартьевым рисковали головой? Если подумать, ради того, чтобы генералы и министр сговорились о новых условиях, лишь немногим отличающихся от прежних. Возможно, полковник что-то объяснит Алехину при личной встрече, но вряд ли капитан сумеет вникнуть во все тонкости. Он – разменная фигура в большой игре, ему и не положено вникать. Зато воздух в Лихославле станет немного чище – это уже факт, с которым ничего не поделаешь. Несколькими преступниками будет меньше. Вот и хорошо. Генералы пусть сговариваются, а группа капитана Алехина сегодня исполнила свой долг и ликвидировала преступную группировку.

* * *

Олег прошелся по платформе и посмотрел на часы. Еще минут двадцать. Он поставил портфель. Постепенно мысли успокоились, неразбериха в мозгах преобразовалась в четко сформулированную мысль: теперь он один и должен принимать решения самостоятельно. Послезавтра распределение в универе... Захар Иванович вроде бы не следил за его учебой, но неизменно оказывался в курсе всех дел. Он подсказал устроиться младшим научным сотрудником в научно-исследовательский институт – туда Олега с его хорошими оценками наверняка возьмут. Наставник даже намекнул, какую тему можно взять для будущей диссертации. Олег об этом и не задумывался – какая еще диссертация? Собственную жизнь он с научной карьерой никак не связывал. А Захар Иванович осторожно и тактично подводил к мысли: самая перспективная отрасль – это исследования и производства, связанные с биотином. Можно, конечно, попытаться присосаться к биотиновому потоку, там деньги перепадают даже мелкой сошке, но это не для Олега. Он должен думать о будущем. Например, тот, кто первым получит синтезированный биотин, сорвет высшую ставку в этой жизни. Или тот, кто раскроет тайну происхождения биоморфов. Вот этим и нужно заниматься.

Захар Иванович хотел, чтобы Олег ушел в науку и завязал с аферами. Да он один и не сумеет работать. Клиентов подбирал опекун. Откуда-то у него находились нужные связи, каким-то непонятным Олегу образом дядя Захар оказывался участником темных делишек, умел войти в доверие к будущей жертве, а когда к работе подключался Олег, они лишь срывали банк. У Олега – ни связей, ни участия в делах. Правда, в портфеле достаточно денег, чтобы закрутить бизнес... Он оглядел пустой перрон, сел и раскрыл портфель. Пошевелил пачки долларов, рука наткнулась на плотную бумагу, он вытянул запечатанный конверт. Знакомым почерком было написано: «Олег, прочти».

Тут показался поезд. Олег переложил конверт в карман и щелкнул замком портфеля. Из здания вокзала потянулись пассажиры – немного, с десяток. Выстроились жидкой цепочкой, ожидая поезд. Состав медленно подкатил и замер у перрона. Олег, показав сонному проводнику билет, поднялся в вагон. Они с Захаром Ивановичем обычно ездили в общих – видно, кто рядом, и свобода маневра имеется. Сейчас Олег вошел в плацкартный и двинулся по проходу. Из отсеков доносился храп. Лишь несколько человек в вагоне не спали; двое пожилых мужчин при появлении Олега убрали под столик початую бутылку водки, но, поняв, что это не проводник, вернулись к прерванному занятию. Он отыскал незанятое место и сел. Едва слышно бубнили выпивающие мужчины, звякнули стаканы...

Олег дождался, когда поезд тронется, и перешел в соседний вагон – они с Захаром Ивановичем всегда так делали. Следующий вагон как раз и был общим, и здесь находились всего трое. На нового попутчика никто не взглянул – похоже, пассажиры дремали. Олег сел, поставил портфель на сиденье рядом и вскрыл конверт.

Он не мог видеть, что перед самым отправлением в хвостовой вагон запрыгнул масовец – водитель Дроздевича. Сунул удивленному проводнику удостоверение, велел не трепаться и присел на свободное место, выставив ноги в проход. Когда поезд тронулся, водитель медленно пошел вдоль состава. Руку он держал под пиджаком, на рукояти пистолета.

Масовец заметил, в какой вагон сел Олег, но там преследуемого не оказалось. Шофер прошел по вагону в обратную сторону, снова осмотрел плацкартные отсеки. Не найдя беглеца, он направился в следующий вагон.

* * *

Олег вытащил из конверта сложенный вдвое листок, исписанный от руки:

Олежка, дорогой, если ты читаешь это письмо, значит, меня больше нет и ты остался один. Постарайся привыкнуть. Держись, сынок.

А теперь по пунктам:

1. Наша последняя операция. По моим расчетам у тебя сейчас около трехсот пятидесяти тысяч долларов наличными. Это немного, но с этим можно начинать. Не возвращайся в Лихославль. Несмотря на маскарад, тебя могут узнать. Зачем рисковать? Не огорчай меня, оставь всё как есть и не пытайся узнать о нашей последней работе больше, чем я успел тебе рассказать.

2. Наши с тобой прежние дела. Забудь о том, что было, и не пытайся повторить какой-нибудь из номеров без меня. Я очень беспокоюсь о тебе, сынок. Прежде все рискованные комбинации продумывал я. Ты, конечно, понимаешь, что любой молниеносной операции предшествует подготовительная фаза, иногда состоящая из нескольких этапов. Я заранее знакомился с клиентами, изучал их связи, окружение, собирал досье. Поверь, это огромная работа, и с этой стадией я не успел тебя познакомить.

3. Твое распределение. Послушайся доброго совета, устройся в одно из мест, которые я тебе называл, и займись проблемами происхождения биотина. Прости, но я сейчас думаю не только и не столько о тебе. Наша Родина превращается в сырьевой придаток более развитых экономик. Это хорошо и сытно для правящей элиты, но пагубно для народа. Тот, кто сумеет синтезировать или добывать вне Сектора биотин, выбьет опору из-под МАС, которое сейчас фактически сделалось хозяином страны. И вместо того чтобы думать о народе, направлять вырученные от продажи биотина средства на укрепление нашей промышленности и обороноспособности, этот хозяин... да ты сам все знаешь. Пока руководство страны волнуют лишь дармовые биотиновые деньги, не будет у нас лада. Можешь считать меня идеалистом и старым дураком, но, попади мне в руки технология производства биотина, я бы сделал ее достоянием всего человечества. Может, хотя бы тогда, лишившись легких денег, власти займутся исполнением своих непосредственных обязанностей.

Я не решался говорить с тобой об этих вещах... стеснялся, что ли. Ну а теперь, когда меня нет – теперь все равно. Может быть, в память обо мне ты сумеешь осуществить эту мечту. Звучит слишком высокопарно, и в глаза я бы не решился сказать такое. Но тем, кого уже нет, позволено больше, чем живым. Я тебя ни к чему не обязываю, но это моя просьба.

4. Личная жизнь. Вот здесь я не стану ни просить, ни советовать. У меня не сложилось, семью так и не завел – может, потому и видел в тебе своего сына и наследника моей глупой прекрасной мечты. Если сможешь, осуществи ее, если нет – что ж, возможно, кому-то повезет больше. Живи хорошо!

«Я буду жить хорошо, дядя Захар, – подумал Олег. – Но прежде чем приступить к осуществлению твоей большой мечты, я должен сделать кое-что еще. Сволочь, которая оборвала твою жизнь, заплатит за это. Тебе бы мое решение не понравилось, но теперь тебя нет».

Олег решил, что выяснит все, что удастся, об операции ФСБ в Лихославле, найдет исполнителей и отомстит. Захар Иванович оказался не только заботливым наставником, но и человеком, думающим о стране и народе. Как удивительно, если вспомнить, чем они занимались...

Олег слышал хруст и с удивлением уставился на собственные руки – он так сжал кулаки, что прощальное письмо разлезлось в клочья. Прижался к оконному стеклу лбом, чтобы остыть, – не помогло, мысли кружились огненным вихрем, и всех льдов Антарктиды не хватило бы остудить это пламя.

Сзади ахнула женщина. Олег осторожно отодвинул голову от окна – не намного, только чтобы увидеть отражение в стекле. По проходу между сиденьями медленно двигался шофер Дроздевича.

Масовец не особо надеялся отыскать преследуемого в общем вагоне – решил пройти в следующий, купейный, и попробовать там, но, проходя мимо немногочисленных пассажиров, все же оглядывался, стараясь получше рассмотреть лица. Время от времени он останавливался, чтобы утереть кровь, сочащуюся из рассеченного лба. Подсохшая корка лопнула, когда он забирался в вагон, рана снова кровоточила. Прилив бодрости, толкнувший в погоню, миновал, его мучило, но останавливаться он не собирался.

Водитель шел, шатаясь и хватаясь рукой за спинки сидений. Перепуганные люди отводили глаза, сдвигались к окнам. Олег сполз на сиденье, укрылся за спинкой так, чтобы его не было видно из прохода. Масовец его не заметил и, закончив осмотр, зашагал к тамбуру быстрее. Вслед ему не глядели, пассажиры с облегчением уткнулись в окна или опустили головы. Вооруженный мужчина с окровавленным лицом направляется в другой вагон – и слава богу, пронесло, значит.

Олег поставил портфель на пол и приготовился. Водитель прошел мимо, с запозданием понял, что здесь сидит еще один человек, но сделать ничего не успел. Олег прыгнул к нему, перехватил запястье правой руки и втолкнул масовца в тамбур. Швырнул противника на дверь и только после этого увидел, что на ней болтается лист бумаги с надписью, сделанной шариковой ручкой. Под весом масовца дверь стала открываться, он выронил оружие, ухватился за косяк и рванулся навстречу Олегу. Поезд стал замедлять ход, вагон ощутимо качнуло. Состав вкатился на мост, в дверном проеме замелькали балки стальной конструкции.

Олега до сих пор бросало в дрожь в подобных ситуациях, перед глазами вставали картины прошлого: падающий поезд, переворачивающийся горизонт, сминающиеся конструкции моста... Поэтому он и пропустил атаку противника, а тот ухватил его за курку и развернул спиной к распахнутой двери. В затылок ударило из проема холодным ветром, гул и стук разом оглушили. Олег ощутил, что за спиной пустота, теперь уже ему пришлось ухватиться за косяк. Масовец, рыча, толкал его в проем. Олег зацепился ногой и откинулся назад, а когда шофер стал заваливаться на него, резко присел, перебрасывая через себя тяжелое тело. Шофер вылетел наружу, не успев даже крикнуть. Кровь залила его лицо, он слишком поздно сумел сориентироваться, ударился о перила моста, перевалился через них и рухнул в темноту.

Олег вытащил «глок» Дроздевича, который прятал под курткой, обтер, уничтожая отпечатки, и вышвырнул наружу, потом захлопнул дверь. Стразу стало тише. Мост уже остался позади, поезд снова набирал скорость. Олег подобрал пистолет шофера, спрятал под курткой. Поднял с пола бумагу с обрывками скотча. Там были кривыми буквами написано: «Не прислоняться! Замок сломан». Олег повесил объявление на место и осторожно заглянул в вагон. Никто не смотрит. Он скользнул на свое место и пощупал портфель. Только что он убил человека. Ради чего? Из-за баков в портфеле? Не получится жить хорошо на эти деньги... Их следует потратить на месть.

Да, так будет правильно. Все эти масовцы, эфэсбэшники – все они одинаковые, из-за них Олег снова один. Вот Захар Иванович – тот был настоящим человеком, думал о Родине, о будущем... Олег поднял руки и посмотрел на свои ладони. Пальцы заметно дрожали, и виной тому была не тряска вагона.

Глава 6

Закон и порядок

Сотрудники местного отдела МВД организовали охрану периметра вокруг здания «Светланы» – выставили на проезжей части переносные заграждения, протянули желтые ленты с запрещающими надписями и провода, на которых болтались красные лампочки. Вокруг суетились телевизионщики, снимали работу полиции. Репортаж был закончен, теперь они готовили кадры для последующих передач – там понадобится видеоматериал в качестве фона к информации, начитанной диктором. Брюнетка репортер расположилась так, чтобы за ее спиной был виден передок «Фердинанда» в разбитой витрине, и рассказывала о росте криминальной напряженности.

Из соседних домов высыпали люди, стали собираться перед заграждениями. Несколько человек слушали журналистку. Во время перестрелки местные не высывались, заперлись по квартирам от греха подальше, теперь же решились поглядеть на работу полиции. Алехин вышел в холл, поднял опрокинутый стул и сел. К нему приблизился полицейский майор – начальник районного отдела. Алехин только теперь рассмотрел его как следует. Майор был крупный, широкий в кости и уже успел разжиреть не по возрасту. Маленькие глазки глядели из-под опухших век хитро и настороженно.

– Какие будут указания, товарищ капитан? Может, вызвать кого-то надо? Криминалистов, труповозку, из прокуратуры кого?

До сих пор всем здесь заправляло МАС, теперь ситуация могла измениться, и майор хотел заранее узнать, перед кем следует прогибаться, а с кем общаться строго по уставу.

– Пока всё делаете правильно, – кивнул Алехин. – Наша группа уже в пути. Там будут все, кто потребуется. До тех пор поддерживайте оцепление, охраняйте.

– А правда, что Дроздевич убит?

– Правда.

Толстый майор потоптался, оглядел разоренный холл. Алехин помалкивал, даже со стула не поднялся. Капитан чувствовал крайнюю усталость – нервное напряжение сказывалось.

– А... кто его? – Майор сделал еще одну попытку завязать разговор.

– Следствие покажет. Он застрелен, Гочиев тоже, и двое их телохранителей. Оружие было у всех, экспертизу проведем, тогда будет ясно, кто из чьего ствола.

«На самом деле, – подумал Алехин, – ясно будет после того, как генералы договорятся».

Майор посопел, поскреб щеку... Наконец произнес:

– Так я пойду? Прослежу, чтобы ограждение там, чтобы все в порядке?

– Выполняйте, – кивнул капитан.

Он подождал, пока уберется полицейский, и вытащил мобильник. Надо было узнать, когда придут коллеги, но с кем связаться? Единственный контакт – полковник Коростылев. Вряд ли он задействовал всю служебную цепочку, так что... Из задумчивости Алехина вывел рокот вертолетных винтов. На улице заговорили громче. Капитан, хрустя осколками витрины, вышел из холла. Гул винтов над головой нарастал, вот улицу затопил белый проекторный свет – над зданием снижался вертолет. Порывы ветра хлынули с неба, толпа зевак попятилась. Прикрывая глаза ладонями, люди задирали головы. Быстро разворачиваясь, упали тросы, по ним заскользили черные фигуры вооруженных людей. Черноволосая журналистка истерично кричала:

– Снимай, Коля, снимай всё!

Ее голос тонул в реве винтов, но оператор услышал, задрал объектив камеры.

– Капитан Алехин? – прокричал один из прибывших бойцов.

– Я здесь!

– Капитан Еременский! Прибыл в ваше распоряжение! Задача: охранять объект!

Высадив десант, вертолет стал набирать высоту. Когда стало потише, прибывший офицер объяснил:

– Конвой с криминалистами движется сюда. Пока они не придут, приказано взять под контроль место преступления, чтобы никто, кроме наших. Ставьте задачу.

Алехин тяжело вздохнул – продолжается работа... Подозвал Делягина, велел взять двух бойцов и отвести в подвал, на склад, двоих отправил на крышу. Остальные заняли оба этажа. Полицейским велели держаться подальше, Еременский объяснил майору МВД, что установленное его подчиненными ограждение теперь является границей и для них. Полиция должна контролировать периметр исключительно снаружи.

Постепенно улица опустела. Журналисты загрузились в свой микроавтобус и уехали, местные разбрелись по домам. Представление для публики было окончено.

Сотрудники МВД отступили за ограждение, стали устраиваться где получится: кто возвратился в машину, кто присел в тени рядом с мерно поблескивающими лампочками периметра. Перед рассветом все стихло, и уж точно никто не наблюдал за грудой обломков, в которую превратилось соседнее здание.

Никто и не заметил, что нагромождение битого кирпича зашевелилось, из-под завала выбралась бесформенная фигура и поползла через строительную площадку. Сперва существо двигалось на четвереньках, потом поднялось и, сильно сутулясь, побрело на двух ногах. Пересекло строительную площадку, остановилось перед забором. Существо словно само не знало собственных способностей, оно двигалось осторожно, будто пробуя землю перед собой и лишь потом перенося центр тяжести. Постепенно его шаги обрели уверенность. Потом оно неожиданно резким прыжком взлетело на гребень ограды и исчезло по ту сторону.

* * *

На рассвете московские улицы начали оживать. Ночью было тихо, Олег еще успел застать это время, когда вокруг ни души и кажется, что все население вымерло – ни шороха шагов, ни звука моторов. Он не стал брать такси, отправился пешком. Таксист может запомнить человека, которого вез в неурочный час, а предполагается, что Олег сейчас мирно спит в своей квартире и на такси не раскатывает. От пистолета он избавился за несколько кварталов до собственного дома – сунул в пакет с объедками и придавил посильнее, вталкивая в переполненный мусорный бак.

Он снимал квартиру в высотном доме, принадлежавшем Гришке – университетскому приятелю. Вообще-то отношения с людьми у него не складывались, Олег по-прежнему чувствовал, что он – на арене, в круге света, а все остальные – одинаковые лица в полутьме зала. Они чужие, они отличаются от него. «Своими» сперва были члены труппы, потом – Захар Иванович... Гришка оказался приятным исключением: он был настолько легким в общении, и ему было до такой степени плевать на весь мир, что Олег не мог не ощутить что-то вроде симпатии к этому типу. Гришка не был «своим», но мир был этому разбитному типу чужд в той же степени, что и Олегу.

К тому же Гришка был чудовищно ленив, однако умел, если нужно, собраться и проверить дело практически любой сложности, достать из-под земли все, что нужно, и разузнать какой угодно секрет. За свои услуги Гришка неизменно требовал заплатить, это упрощало общение – у Олега не возникало чувства, будто он чем-то обязан однокашнику. С ним было легко.

Олег на курсе считался одним из лучших студентов, а Гришка часто прогуливал, конспектов обычно не вел. Впрочем, экзамены он сдавал исправно и закончил учебу без особых проблем. Когда Олегу нужно было отлучиться на несколько дней, он просил Гришку позабо-

титься о конспекте пропущенных лекций, и за небольшую плату тот предоставлял аккуратно выполненные записи. Почерк был женский, но Олег не расспрашивал, кому он принадлежит. Друзей и подружек у Гришки было неисчислимое множество – заказывал кому-нибудь за часть той суммы, что заплатил Олег.

Года полтора назад Гришка сообщил, что купил дом на полсотни квартир, и предложил переехать к нему. Недвижимость подешевела, но целый дом... Олег удивился, однако предложение принял. Оказалось, Гришка не главный владелец здания, но небольшая доля в самом деле принадлежит ему. И еще он сделался кем-то вроде управляющего, приглядывал за собственным добром – это тоже было удобно.

Олег вошел в подъезд и поглядел на кабинку в углу, где дремала бабуля-консьержка. Половина шестого утра – даже страдающая бессонницей старушка дрыхнет. Он не стал вызывать лифт и поднялся к себе на второй этаж пешком. Прошел мимо Гришкиной двери и прислушался – тихо. Больше на втором никто не жил, еще две квартиры пустовали: люди предпочитали селиться повыше – дальше от улицы с ее шумом и опасностями.

«Секретки» – тончайшие нити, прилепленные к двери и косяку, – были в порядке, никто сюда не входил. Олег отпер дверь и побрел в ванную. Умылся, внимательно изучил свое лицо – не осталось ли царапин или синяков, мало ли чего можно не заметить в суматохе. Потом поставил будильник и завалился спать. Часа три можно себе позволить.

После подъема и завтрака он отправился к Гришке – попросить узнать все, что можно, об операции ФСБ в Лихославле. Особенно об исполнителях – сколько их, фамилии, должности, как найти. Олег должен был вычислить, кто из них убийца опекуна, и...

– А, это ты... Рано встаешь, – проворчал Гришка, почесывая лохматую башку. Дверной звонок, похоже, его разбудил – он припелся отпирать в одних трусах, прямо из кровати. Из-под резинки торчала рукоять шокера. – Ты ж вчера вроде поздно лег, я слышал, музыка у тебя играла.

Уезжая в Лихославль, Олег поставил таймер на музыкальном центре с таким расчетом, чтобы тишина настала в половине второго ночи. Именно для Гришки – теперь тот уверен, что однокашник весь день был дома.

– Да, чего-то не спалось. Ты на распределение собираешься?

– Так оно завтра!

– Сегодня списки вывешат. Я поеду гляну. Хочешь, вместе сгоняем?

– Не, лень... – Гришке лень было делать практически всё. – Ну заходи, заходи! Я кофе сделаю. Нечего в прихожей торчать.

Гришка зашлепал на кухню. Там включил маленький телевизор и стал греметь посудой. Он любил, чтобы что-нибудь рядом шумело и бормотало, поэтому установил телевизор и здесь.

– А завтра сходишь на распределение? – спросил Олег, присаживаясь в углу.

Телевизор зашипел, посередине вспыхнула серая звездочка, стала разворачиваться на весь экран. Наконец эта рухлядь заработала как следует, полилась бравурная музыка.

– Схожу из любопытства. Только я не собираюсь трудиться по специальности. У меня и так дел хватает.

Дел у Гришки было и впрямь до фига – валяться с ноутом на диване, смотреть по телевизору все передачи подряд и тому подобные занятия. Время от времени, когда запас налички подходил к концу, он проворачивал очередное дельце – кому-нибудь что-нибудь достать, о ком-то что-то узнать – и снова начинал лениться. К тому же его доля в домовладении приносила небольшой постоянный доход.

Музыка в телевизоре отыграла, заговорил ведущий утренней программы.

– Я к тебе с просьбой, – начал Олег, – хочу разузнать кое-что, но это будет непросто. В долгу не останусь.

– Сделаем, как обычно, – жизнерадостно пообещал Гришка. – Ты говори, в чем затык.

– Мне нужна инфо о...

Тут ведущий новостей в телевизоре озабоченным тоном объявил, что сейчас повторяют вчерашний репортаж из Лихославля. Олег подавился словами и уставился на экран, жалея, что телевизор на Гришкиной кухне такой маленький. Он узнал бюро по трудоустройству «Светлана». Гришка что-то болтал, спросил, большую или маленькую чашку кофе налить гостю... Олег не слушал. На экране симпатичная журналистка взволнованно сообщила, что ведет репортаж из так называемого «Черного пояса России» – кольцевой территории, прилегающей к Барьеру.

– Как известно, – продолжала журналистка, – криминогенная обстановка здесь вышла за рамки просто «критической». Министерство аномальных ситуаций давно утратило контроль, и еще предстоит разобраться, какую роль в сегодняшних событиях сыграл высокопоставленный чиновник МАС Дроздевич, найденный застреленным вот здесь.

Женщина подалась в сторону, открывая шикарный вид – передок микроавтобуса, торчащий из витрины бюро «Светлана». Когда она отступила к краю кадра, Олег увидел подтянутого мужчину в камуфляже. Мужчина был образцово-показательный – высокий, плечистый, атлетически сложенный, с открытым и мужественным лицом. Не человек, а плакат.

– Здесь располагалась перевалочная база преступной группировки, которая осуществляла вывоз контрафактной железы хамелеонов. Впрочем, об этом лучше может рассказать офицер ФСБ, проводивший операцию. – Журналистка подняла микрофон, чтобы рослому эфэсбэшнику было удобнее, и он заговорил:

– Капитан Алехин. Операция завершена, сейчас я приглашаю съемочную группу осмотреть подвал под этим зданием и убедиться...

– А ты вчера не смотрел? – Гришка брякнул перед Олегом чашку кофе и тоже обернулся к экрану. – Можно только позавидовать этому Лихославлю, у нас же воруют и не стесняются. Потому что управы нет! Смотри-ка, ФСБ! Эх, если бы такое было системой, а не исключением... взяли бы за задницу не одного бандита, а...

– погоди, дай послушать.

Олег слушал и с каждым словом, произнесенным капитаном Алехиным, убеждался все больше и больше: он слышал этот голос. Перед ним тот самый убийца, кричавший им с Захаром Ивановичем: «Стоять! Стреляю!»

* * *

На рассвете в дом Шилковых постучали. Дряхлая старушка, бабушка Лизы, открыла дверь и, щурясь, всмотрелась в пришельца. Потом попятилась:

– Внученька, ты?.. Что стряслось? Я уж не знала, что и подумать! Решила, ты сразу уехала на эту... на новую работу...

То, что вошло в дом, неуверенно прошагало в гостиную следом за старушкой и огляделось.

– А где одежда твоя? Почему?.. – Бабка умолкла. Затем тихо спросила: – Плохо тебе, внученька? Тебе, наверное, поспать нужно? Идем, идем со мной, возьми меня за руку... Вот сюда, осторожно, ложись, вот кровать, я уж расстелила, а тебя нет и нет...

Глава 7

Следственные мероприятия

Следственная группа ФСБ прибыла в Лихославль под утро. Забрызганные грязью автомобили вереницей въехали на улицу, первый подкатил к самой витрине «Светланы», повалив установленные полицией ограждения. Заспанный майор Кононенко поспешил к федералам, ему велели убираться.

Алехин дремал на диване в разгромленном холле. При появлении коллег он встал и отправился докладывать, но его даже слушать не стали – что обнаружила группа захвата, уже никого не интересовало. У прибывших был приказ начальства относительно результатов расследования, вот его и следовало придерживаться. Разбудили капитана снова через пару часов. Алехин сел и потер лицо ладонями, он не выспался.

Седой следователь опустил на диван рядом и сразу начал:

– Капитан, ваша версия? Что произошло в кабинете Гочиева?

– Ну... – Алехин замялся. – Там карты везде были разбросаны, в карты они играли...

– Я не об этом. Все четверо – Гочиев, Дроздевич и телохранители – расстреляны в упор из пистолета «Вальтер Р88». Пистолет лежит там же, на полу, отпечатков на нем не обнаружено. Кто из него стрелял?

Алехин помедлил с ответом. Врать он не любил, тем более врать на службе... но на этот счет у него был приказ непосредственного начальника. «Вальтер» он сам принес из подвала и положил на пол рядом с Гочей и масовцем.

– Может, ваши подчиненные что-то знают? – продолжил седой.

Алехин мотнул головой:

– Они работали на втором этаже. В кабинет входил только я. Убедился, что медицинская помощь никому не требуется. Ничего не трогал.

Следователь невесело улыбнулся:

– Медицинская помощь не требовалась, это точно, стрелял профессионал – либо в лоб, либо в сердце... Ладно, капитан, можете быть свободны, вы и ваши люди. Да, и этот гроб на колесах из витрины уберите, здесь мы уже закончили.

– А куда нам? Возвращаться в Москву? У меня нет распоряжений.

– Вам... – Седой задумался. – Оставайтесь в Лихославле, можете понадобиться. Здесь гостиница есть... кажется, «Заря». Располагайтесь там, доложите.

Алехин кивнул, позвал Шартьева с Делягиным, топтавшихся неподалеку, и велел заводить «Фердинанд». Когда он уже направлялся к микроавтобусу, его окликнул следователь:

– Капитан! И чтобы больше никаких интервью.

– Слушаюсь, – бросил Алехин и поставил ногу на подножку.

Шартьев врубил движок, и, едва капитан хлопнул за собой дверцей, микроавтобус тронулся с места. Под колесами захрустели обломки стекла.

* * *

Когда Олег объяснил Гришке, что за инфа ему нужна, тот долго чесал в затылке. Наконец заявил:

– Не знаю, не знаю... А зачем тебе этот капитан?

Олег молча смотрел на приятеля.

– Ну ладно, попытаюсь, – махнул рукой Гришка. – Но ты учти, на ФСБ у меня выходов нет. Откуда?

- Ты говорил, есть у тебя друг, компьютерный гений. Может он их базу прошмонать?
- Ну ты даешь!.. Насмотрелся шпионских фильмов, что ли?

Олег пропустил эту фразу мимо ушей. Телевизор он не смотрел, и Гришке это было отлично известно.

– Вообще-то сейчас твой Алехин на виду – после интервью, я имею в виду. Попробовать можно. А насчет их базы данных даже не думай. То есть, конечно, нет ничего невозможного, но... просто это стоит совсем других денег, у тебя столько не наберется.

– Уверен?

– Скажем так... – Гришка отхлебнул кофе. – Я ни за какие деньги в этом деле даже посредником быть не хочу. Но некоторые варианты могут нарисоваться... В общем, если что-то получится, пять кусков зеленых.

– Годится. – Олег был готов отдать и больше.

– Плюс мне десять процентов.

– Гриш, не начинай, тебе процент платят исполнители, я же правила знаю.

Гришка уставился на однокашника глупыми честными глазами:

– Ну и что, что знаешь? Почему бы мне не попробовать обути тебя на пятихатку? Мы же друзья, ты не должен обижаться!

Вот за эту непосредственность Олег и выбрал его в приятели. В мире цирка, который поделен на ярко освещенную арену и погруженный в полутьму зал, полный чужаков, этот разгильдяй вполне мог во время парада-алле спрыгнуть с кресла и перелезть через барьер – в освещенный круг, туда, где «свои».

* * *

В гостинице «Заря» Алехин показал администратору удостоверение и потребовал номер на троих. Администратор сперва мялся, то набирал воздуха в грудь, чтобы что-то сказать, то тяжело выдыхал. Наконец, вручая ключи, решился:

– Товарищ капитан, я видел ваше интервью! Мы всей семьей смотрели! Это... это... Спасибо вам!

– Да за что же? – опешил Алехин.

Делягин за его спиной хмыкнул.

– Мы уже не надеялись, что на бандитов управа найдется! – Собравшись с духом и выпалив первую фразу, дальше мужчина говорил и говорил, словно прорвало невидимую плотину в его горле. – Мы же здесь всё знали, город маленький, все на виду. Мы же знали, но молчали, боялись. Полиция, МАС – они ничего не делали. Ни на кого больше надежды не было, мы уже все отчаялись, а тут вы! Спасибо вам!

– Это моя работа, – пробормотал Алехин. В его послужном списке значились куда более рискованные и опасные операции, но вот так благодарили его впервые.

Делягин заявил:

– Ну всё, вы теперь кинозвезда, товарищ капитан. Скоро в Голливуд пригласят.

– А мы тут так и останемся по всяким Лихославлям грязь сапогами месить, – поддакнул Шартьев.

Алехин только вздохнул – вот уж не хотелось ему этой славы... Кивнул подчиненным – за мной! – и потопал к лестнице. Администратор в спину выкрикнул:

– Если вам чего понадобится, только скажите!

Едва расположились в номере, зазвонил мобильник Алехина.

– Капитан, – прозвучал в трубке голос полковника Коростылева, – спуститесь в холл.

И тут же последовали короткие гудки.

В холле Алехин осмотрелся. Наткнулся на восторженный взгляд администратора и быстро отвел глаза – непривычно ему было такое внимание. Потом увидел Коростылева – полковник все в том же облике провинциального пенсионера сидел на диване и читал газету. Капитан подошел к нему и сел рядом. Он не знал, как себя вести, и ждал, что скажет начальник. Тот через пару секунд опустил газету:

– «Наша жизнь», местная. Газета, говорю, местная, лихославльская. На первой полосе – только о вас. Отлично, капитан.

– Не нравится мне это... внимание, – буркнул Алехин. – Товарищ полковник, какие будут распоряжения? Когда можно отсюда убраться?

– Еще нескоро. Вчера вы успешно провели первую фазу операции, теперь начинается следующая.

Алехин тяжело вздохнул.

– Генерал всю ночь вел переговоры с МАС, пришли к соглашению, – продолжал Коростылев. – Официальная версия такова: Дроздевич явился в логово бандитов, хотел сам с ними разделаться, ну и погиб при исполнении.

Алехин усмехнулся. Кто ж такому поверит? Героический масовец явился в «Светлану» с единственным сопровождающим – они собирались вдвоем разделаться с Гочей и десятком его бойцов?

– В общем, Дроздевича МАС списало со счетов втихую. Начальству Дроздевича тоже не по душе, что он вертел здесь свои делишки. Он ведь, помимо официального биотинового потока, организовал в Лихославле свои поставки. Так что на него МАС плевать – пришлют на его место нового сотрудника, да и всё. Генерал согласился не предавать огласке эту историю, взамен получил какие-то свои бонусы, это уже не наше дело.

– А какое наше, товарищ полковник?

– Официально вы останетесь здесь и раскопаете, откуда поступал контрафактный биотин к Гоче и Дроздевичу. МАС не против, это же и в их интересах – охранять свою монополию. Единственное условие – они будут получать информацию о ходе расследования... Теперь о вашей истинной роли, капитан. Вас переводят представителем в исследовательский центр, сюда же, в Лихославль. Здесь есть филиал, возглавляет его профессор Баргозов. Будете при нем якобы контролировать вопросы безопасности. Существует версия, что часть биотина поступала в «Светлану» из исследовательского центра. Это оправдание вашего назначения для МАС. На самом деле...

– Товарищ полковник, – не выдержал Алехин, – ну какой из меня, к чертям, сыщик? У меня и опыта такого нет.

– Я знаю. – Полковник вздохнул. – Но, кроме вас, доверять никому не могу. Насчет расследования не беспокойтесь. Я буду держаться поблизости, посоветую, как действовать. Перед вами стоит другая задача. Слушайте и запоминайте. Исследовательский центр в Лихославле создавался восемь лет назад. Тогда еще шли работы по синтезу искусственного биотина, позже тему признали бесперспективной, а тогда, после первых неудачных экспериментов, кому-то из умников пришло в голову, что в Секторе имеются некие особые условия, при соблюдении которых синтез может пройти удачно. Потому создали эту базу, высылали группы за Барьер, чтобы повторить опыты там, внутри. Понимаете?

– Понимаю, товарищ полковник.

– Полученные результаты засекречены, МАС объявило, что и эти эксперименты провалились, но центр не стали сворачивать. Почему? То ли из-за обычной нашей бестолковости, то ли Баргозов продолжает копать в этом направлении. Необходимо узнать, в какой стадии исследования на самом деле и существует ли вероятность реального получения искусственного биотина. Вполне допускаю, что тема закрыта вовсе не потому, что бесперспективна, а наоборот.

– Вот теперь не понимаю, товарищ полковник, – признался Алехин.

– Подумайте, капитан, подумайте. Если выяснится, что вблизи Сектора биотин можно получать в лабораторных условиях, власть МАС окажется под угрозой. Какие именно условия в Секторе? А вдруг и их можно смоделировать? Это подрвет монополию МАС. Вот это и будет вашей главной задачей. Вряд ли кто-то продвинулся в этом направлении дальше группы профессора Баргозова.

– Теперь понимаю.

Алехин действительно понимал. Пошатнется власть МАС, посадившего на биотиновую иглу весь мир – президентов, политиков, финансистов, всех стариков, в чьих руках судьба планеты. А еще пошатнется власть Дроздевичей, Гочиевых и всей остальной сволочи, которая не замахивается на мировой масштаб, но портит жизнь на каждом шагу, в том числе вот в таких маленьких зеленых городках, как этот Лихославль... Алехин покосился на администратора, не сводившего с него восторженного взгляда, и твердо повторил:

– Понимаю, товарищ полковник.

* * *

Олег вышел из дома и остановился, щурясь на солнце. Оно светило совсем по-летнему, в голубом небе проплывали пушистые облака. В такой славный день не хотелось думать о том, что случилось вчера. Но мысли сами бегали по кругу. Один, снова один... Дружеская беседа с Гришкой только растравила душу. Гришка – славный приятель, но полагаться на него можно лишь до определенной степени, а Олег привык к тому, что есть на свете кто-то, кому можно довериться полностью, на кого всегда надеешься больше, чем на самого себя...

Рядом раздались крики, хриплый собачий лай. Олег перестал пялиться на облака и огляделся. Из-за соседнего дома показалась здоровенная черная псина. Натягивая поводок, она целеустремленно волокла за собой хозяина, плюгавого мужичонку в камуфляже с бейджиком на груди. Состоит в Ловчем клубе, не иначе. Олег слышал, что порядочным ловчим западло такие бейджики на одежду цеплять – они носят в кармане удостоверение, да и всё. А этому, значит, нормально, этот как собака, которая гордится ошейником.

– Сюда! Здесь перехватим! – завопил мужичонка, размахивая шокером и быстро-быстро семена за псиной.

Следом за ним из-за угла появились еще двое, тоже ловчие. Олег прибавил шаг, чтобы не встречаться с этой братией. Ловчие вызывали у него смутное недоверие. Что-то неправильное в этом занятии чудилось. Олег не смог бы объяснить, что с ловчими не так, почему он чувствует к ним неприязнь. Возможно, дело было в том, что он встречал слишком много лихих парней, которые лишь назывались ловчими, но опасность представляли вовсе не для хамелеонов – опасаться их следовало скорее землякам.

По дороге Олег вызвал такси. Водитель, смуглый мужчина с роскошными черными усами, согласился подождать, пока он заскочит в обменный пункт и в отделение банка – положить на счет небольшую сумму в рублях. Потом поехали к университету. Таксист попался не болтливый, вел аккуратно и помалкивал. В салоне тихо играла музыка, диктор зачитал прогноз погоды. Кстати, упомянул, что имеется вероятность Всплеска и оказавшимся вблизи Барьера нужно проявлять осторожность в обращении с бытовой техникой.

Олег не слушал. Он размышлял: опекун советовал выбрать место работы, связанное с передовыми исследованиями, продвигаться по карьерной лестнице, и в прощальном письме о том же напомнил. Выполнить последнюю просьбу покойного лучше получится в каком-нибудь крупном научном центре. Но там все заорганизовано, упорядочено и научная карьера – дело долгое... Говорят, в больших НИИ преуспевают не ученые, а подхалимы.

Олег расплатился с водителем, дошел до своего корпуса, взбежал на второй этаж и остановился перед доской объявлений – там были приколоты сообщения о вакансиях. Выбрать

нужно будет завтра; возможно, добавится еще листок-другой, но большинство предложений работы уже здесь. Олег стал изучать объявления. Мимо сновали студенты, смеялись, толкали друг друга, обсуждали «хвосты» и зачеты... Мелькнула мысль: а хорошо, наверное, жить легко и беззаботно и не знать проблем больших, чем не сданный вовремя зачет. Но он, Олег, не сможет жить легко и беззаботно до тех пор, пока ходит по земле эфэсбэшник, застреливший замечательного человека Захара Ивановича, пока он выступает по телевизору, врет напрапалую, строит из себя защитника Отечества.

В предложениях работы попало на глаза знакомое слово: «Лихославль». Олег прочитал объявление внимательно: исследовательский центр в Лихославле, две вакансии лаборанта.

И тут мобильник в кармане издал трель. Олег вздрогнул – он редко пользовался телефоном. Нащупал трубку в кармане...

– Старина, тебе повезло! – возбужденно затараторил Гришка. – Удалось найти очень быстро. Я уже вернулся, говорю из дома, у меня распечатка в руках. Так что готовь бабосы. Понимаешь, как вышло: обычно такую информацию раскопать невозможно, но тут удалось выцепить из свежего, из того, что сверху болтается. Обычной поисковой машине этого не видно, но если зацепить нужный лог и правильно пройти по цепочке, можно...

– Стой, погоди! – Олег поторопился прервать поток Гришкиных откровений: о таких вещах по телефону трепаться нельзя. – При встрече подробности расскажешь. Я скоро буду.

– Ладно, давай, я жду... Ай! Э, чего?!..

В последних нечленораздельных возгласах Гришки звучало удивление. Но связь прервалась, и Олег не успел спросить, что случилось. Впрочем, с приятелем постоянно что-то случается, даже удивительно при его ленивом образе жизни. Сунув мобильник в карман, Олег отправился домой.

* * *

Майор Кононенко с утра до вечера раздавал подчиненным взыскания и ругался почему зря. Такую уйму рапортов в один день ему еще никогда не приходилось составлять, он был раздражен и срывал злость на сотрудниках. Сколько на службе, а подобного количества событий за сутки еще не случалось. Конечно, майор не сам писаниной занимался, для этого у него хватало помощников, но ведь за каждым проследить нужно, каждого отругать, чтобы старались! Документы, в которых упоминалась операция федералов в Лихославле, должны были отразить деятельность начальника райотдела в самом выгодном свете: собрал подчиненных, прибыл по тревоге, установил контакт с сотрудниками ФСБ, оперативно организовал содействие, обеспечил безопасность гражданских лиц.

Кононенко подозревал, что при раздаче наград в этот раз о нем не вспомнят, но под взыскание не угодить бы! С особым тщанием он проверил рапорт в местное управление МАС. За этим занятием его и застал стук в дверь.

– Я же сказал, никому не... – Майор начал подниматься из-за стола, чтобы как следует вывериться на нерадивого сотрудника, посмевшего побеспокоить не вовремя...

Низенький, упитанный и румяный мужчина лет сорока с лишним уверенно вошел в кабинет и захлопнул за собой дверь. Кононенко быстро сообразил: если гость в штатском вот так, без предупреждения, без предварительного доклада подчиненных, может войти к начальнику райотдела полиции, значит, не простой человек, значит, такую «корочку» показал на входе, что никто не решился майору доложить. Поэтому он проглотил окончание фразы, поднялся и уставился на вошедшего.

– Здравствуйте, товарищ майор. – Тот уверенно направился к столу и протянул руку. Ладонь его была мягкой и немного влажной.

Майор подавил инстинктивное желание вытереть руку о китель и замер, ожидая слов гостя.

– Зеленский, – представился толстячок, – новый представитель администрации МАС в вашем городе. Будем работать вместе.

– Так точно, будем, – с готовностью согласился Кононенко.

Масовец придвинул стул к его столу:

– Я присяду?

– Д-да... Виноват, товарищ Зеленский! Располагайтесь!

Масовец сел, подался вперед, выложил на стол аккуратную тоненькую папку и, близоруко щурясь, поглядел снизу вверх. Кононенко слотнул и медленно опустился в кресло. Тут же возникла мысль: а может, уместнее было бы стоять навытяжку перед новым хозяином района?

Пока майор лихорадочно продумывал линию поведения, Зеленский прилепил под столешницей крошечный комоч. Полицейский ничего не заметил.

– Итак, – произнес масовец, – расследование дела о перестрелке в бюро по трудоустройству «Светлана» взяла на себя ФСБ, вас отстранили. Правильно?

– Так точно. Не допустили даже к осмотру места преступления. Я лично туда по тревоге, а они...

– Знаю, знаю. – Зеленский открыл папку и вытащил несколько листов. – Вот предварительные итоги расследования, ознакомьтесь. Вам, конечно, всего знать не полагается, это федералы подготовили для нас, но я считаю, что вам следует быть в курсе того, что происходит на подведомственной территории. Можете это рассматривать как первый шаг к взаимопониманию.

Майор взял протянутые собеседником странички и уставился в них. Мелкий шрифт плясал перед глазами, Кононенко никак не мог сосредоточиться и прочесть хотя бы слово.

– После ознакомьтесь, – продолжил Зеленский, – и убедитесь, что как минимум одна существенная деталь здесь упущена. Дроздович прибыл в «Светлану» на «мерседесе», автомобиль обнаружен под завалом у соседнего здания, но внутри никого не оказалось. Водитель исчез. Похоже, ФСБ не обратила внимания, а это может оказаться очень важным!

Кононенко поднял глаза на масовца и встретил колющий взгляд, никак не гармонирующий с мягкими чертами лица толстячка.

– Наше ведомство будет весьма признательно, если МВД займется поисками пропавшего водителя. Вот информация из его личного дела. Я бы предпочел, чтобы вы провели работу, так сказать, негласно. Не нужно ставить в известность ваших коллег из ФСБ, у них и так много работы. Мы понимаем друг друга? Заодно проверьте, не находился ли в агентстве «Светлана» еще кто-нибудь вчера вечером. Если исчез наш сотрудник, вполне могло получиться, что точно так же исчез еще кто-нибудь. Вот копии последних страниц книги учета «Светланы», здесь найдете фамилии и адреса.

– Сделаем, товарищ Зеленский, – промямлил майор.

– Ну вот и всё для начала. – Масовец встал. – Я думаю, у вас сейчас будет много работы, так что не смею мешать. О результатах докладывайте сразу же. – В дверях он оглянулся и бросил через плечо: – Ну и вообще, если какая нужда, обращайтесь. Буду рад помочь коллеге. Всего хорошего.

Дверь за ним закрылась.

Майор посидел несколько минут, собираясь с мыслями, потом попытался позвать сотрудника, но из горла вырвалось невнятное шипение – переволновался, беседуя с масовцем. Он откашлялся и снова позвал:

– Лешук!

– Товарищ майор? – В дверях возник сержант, личный водитель Кононенко, исполнявший при нем обязанности порученца.

– Вот что, Лешук, подготовь приказ собрать информацию по клиентам бюро «Светлана». Кто из девок к ним обращался, кто когда там в последний раз был и все такое. Особенно важно, если какая-то вчера во второй половине дня там появлялась. Исполнять срочно. Если что интересное, докладывать немедленно. Не лажать, не лениться. Пусть участковые по всем адресам пройдут, лично проверят, кто дома, кто где. Лично, я сказал! Ясно? – Кононенко грозно нахмурился.

Лешук уловил настроение шефа и бодро кивнул:

– Так точно!

* * *

Олег почувствовал неладное далеко от дома. Из такси он вышел, как обычно, за несколько кварталов и теперь замедлил шаг, оглядываясь по сторонам. Что-то было не так. Потом понял: людей не видно. Середина дня, а прохожих нет. И вообще тишина вокруг какая-то подозрительная. Уже сворачивая во двор, он услышал впереди голоса и сменил направление – подошел к соседнему зданию, остановился у подъезда и стал копаться в карманах, будто в поисках ключей. Из-за угла показалась компания ловчих. Впереди бодро трусила черная псина, теперь ее хозяин не выглядел смешным и неловким: шагал, расправив плечи, и небрежно бубнил что-то рослым приятелям, а те обращались к нему очень уважительно.

На Олега они не взглянули, прошли мимо. Он уловил обрывки разговора:

– Ну, ты даешь!.. Как ты его... Я бы не рискнул!

– А чего они? Я ж при исполнении! Положено открывать – пусть открывают!

– Славно пошумели! Ну что, теперь в клуб?

– А то! Сдадим груз, в кассу заглянем и...

Олег, дождавшись, когда ловчие исчезнут из поля зрения, зашагал к своему дому. Вернее, к Гришкиному. А ведь ловчие именно здесь пошумели! Окна на третьем этаже были выбиты, над ними застыл налет черной сажи, внутри был пожар. Хорошо, если на втором не горело...

Обычно такие происшествия привлекают зевак, но двор по-прежнему был пуст. Может, ловчие распугали соседей? Олег, доставая ключи, подошел к двери подъезда и остановился. Замок был выбит, створка криво висела на петлях.

Он замер. Идти в подъезд или нет? Что здесь произошло?

Дверь приоткрылась, показалась Гришкина физиономия:

– Олег, давай сюда, чего остановился?

– А что здесь было?

– Блин, а чего здесь только не было... Ловчие, чтоб их. Заходи, и я дверь запру снова.

Гришка был не на шутку перепуган, даже дверь побоялся открыть как следует, приготовил для прохода неширокую щель. Олег шмыгнул внутрь. Приятель тут же с грохотом захлопнул за ним створку и сунул в петли стальной прут. Потом обернулся и стал рассказывать:

– Только ты ушел, нагрянули ловчие: открывай, орут! Я в отказ, а их там целая толпа собралась. Стали колотить. Один, мелкий такой, с собакой, за старшего у них был, – ты не пове-ришь! – ногой замок высадил. Такой на вид хлипкий дядечка, по нему не скажешь, а ногой как саданул!

Гришке, похоже, досталось – видимо, за то, что не открыл сразу. Он то и дело шупал правый бок, а под глазом у него уже наливался красками синяк.

– Побежали наверх, – продолжал приятель, – я уже за ними не решился идти – там чего-то шумело, трещало... стреляли тоже. Два раза... нет, три! Потом спускаются, блин, герои. Мелкий впереди со своей собакой, рюкзаком помахивает.

– Взяли хамелеона?

– Да взяли... Здоровенный, говорят, прыткий. Тут сверху соседи: «Пожар, горим!» Я пожарку вызвал – и бегом наверх. Когда добежал, там уже всюю полыхало. И главное, живет там такой вредный мужик... Ох, как представляю, что буду с ним объясняться!

– Что за мужик?

– Ну, такой, вроде крутой. У него на лбу не написано, кто да что, но только его наш шеф на квартиру определил.

«Шефом» Гришка называл настоящего хозяина дома. Если хозяин сам пригласил постояльца, статус у того должен быть высоченный, не зря Гришка опасается.

– Я влетаю в квартиру, в коридоре всё вверх дном, а что в комнате – уже не разглядеть, дымом затянуло. Я за огнетушителем, вернулся, смотрю: бли-и-ин, пламя до потолка! Залил пеной. Не знаю, что там в каком состоянии, боюсь даже заглядывать. Дверные ручки цепью замотал, замок навесил...

– Почему боишься заглядывать? – перебил приятеля Олег.

– Так говорю же: крутой мужик там. А ну как мне предьяву выкатит, что я там был и стащил что-нибудь?

– А если ловчие стащили?

Гришка совсем погрузнел.

– Постой, а пожарка? – вспомнил Олег.

– До сих пор нет. – Гришка выругался.

Олег редко видел, чтобы приятель был так напуган и одновременно рассержен. Гришка в любой ситуации оставался пофигистом и к житейским неурядицам относился легко.

– Я им говорю... ловчему этому мелкому то есть говорю: расписку пишите, что так, мол, и так, в результате наших действий возникло возгорание с последующим ущербом, ну и все такое. Это ж они чего-то перевернули или закоротили, из-за них загорелось! А может, сами подожгли? Выкуривали хамелеона из квартиры, как ты думаешь? В общем, пишите, говорю. Знаешь, что он мне ответил? – Гришка потрогал фингал и вздохнул.

– Догадываюсь.

– То-то и оно... Теперь на меня убытки повесят. Как расплачусь, а? Здесь же всё на мне – и пожарная безопасность, и дверь входная... О, теперь еще и дверь менять! И замок новый понадобится... Я разорен! А если еще и жилец этот возбухать начнет...

– Шефу пока не докладывал?

– Не успел, это ж все только-только закончилось... вернее, для меня самое интересное сейчас начнется.

– А наш этаж как?

– Вроде цел... А, я же тебе инфу добыл! Бабки-то у тебя с собой?

– Дома. Идем.

– Что мне в тебе, Олег, нравится, это щедрость и широта души! С деньгами расстаешься легко и, главное, быстро! – просиял Гришка. – Ты иди к себе, я догоню – бабке скажу, что ловчие убралась, пусть дальше несет вахту, а то перепугалась, старая, заперлась у себя...

Олег поднялся на второй этаж, привычно проверил дверь, убедился, что к нему никто не входил, и отпер замок. Приготовил пять штук, чтобы рассчитаться с Гришкой... Того все не было. Наконец в дверь позвонили. Гришка вошел, держа мобильник около уха и строя Олегу печальные гримасы – видно, шеф ругался.

Олег помахал пачкой банкнот перед носом приятеля, чтобы тот взбодрился. Гришка молча выслушал брань, льющуюся из динамика, потом буркнул: «Все понятно. Да. И мою тоже», – и дал отбой.

– Вот такие дела, кончилось мое домовладение, – пожаловался он Олегу, – я здесь больше не живу. Срок до послезавтра. Жилец в отъезде, шеф сказал, что рассчитается с ним, когда тот вернется, за счет моей доли в этом доме. Если, конечно, ничего ценного не пропало во время

пожара. Такие дела... Держи. – Гришка протянул сложенный вчетверо листок и подставил ладонь.

Олег отдал купюры и стал читать. «Капитан Алехин... участвовал в операциях... представлен к правительственным наградам...» Геройский капитан, в общем. Наконец он добрался и до последнего назначения: начальник особого отдела при научно-исследовательском центре... в Лихославле.

Гришка наладился было рассказывать, как можно выловить в Сети обрывки логов свежих обновлений, загнать их в поисковик, но потом махнул рукой и погрузился в мрачные размышления.

– А ты куда думаешь распределяться? – спросил он вдруг.

– Научно-исследовательский центр в Лихославле выбрал, – ответил Олег. – Передний край науки и все такое.

– А этот Лихославль – маленькое городишко, да? – Гришка совершенно неожиданно заинтересовался планами однокашника. – У самого Барьера? Медвежий угол, глухомань? И центр там маленький?

– А что?

– А давай я с тобой? Вдвоем все-таки веселее. Сколько вакансий они заявили? Найдутся у них два места?

Олег с минуту хлопал глазами – до того странным был Гришкин энтузиазм, – но потом сообразил: лукавый приятель собрался свалить из Москвы, пока на него не повесили еще какие-то долги. Может, большой босс, настоящий владелец здания, решит, что Гришкиной доли не хватит, чтобы покрыть убытки от пожара? А еще хитрец Гришка вознамерился зажать пять штук, полученных за инфу. Да, Лихославль – подходящее местечко, чтобы лечь на дно.

* * *

Зеленский покинул райотдел МВД и сел в машину. Служебный «мерседес», на котором прежде ездил Дроздевич, был разбит и подлежал списанию. Новый районный представитель МАС получил обычный, не бронированный автомобиль и надеялся, что это не надолго. Он кивнул водителю: «Выйди покури», – вытянул из внутреннего кармана наушники на тонких проводах, закрыл глаза и стал слушать. Результат ему понравился: майор все делал верно. И насчет участковых – хорошая мысль.

Отпустив порученца, Кононенко позвонил какому-то своему приятелю, по имени его не назвал, попросил подкинуть сводку по обнаруженным неопознанным покойникам в области. Это Зеленскому тоже понравилось. Если шофер Дроздевича мертв, неизвестно, насколько качественно убийцы избавились от тела – вдруг отыщется? В общем, с полицейской работой наладилась... Какое-то время его можно будет прослушивать – до тех пор, пока отголосок очередного Всплеска не нарушит работу электроники. Говорят, вблизи Барьера это случается довольно часто.

Зеленскому позарез нужна была зацепка. Он пока что сам не понимал, что следует искать. Начальство велело принять дела в Лихославле и не особенно беспокоиться насчет предыдущего руководителя – дескать, тот проворовался и получил, как говорится, по заслугам. Федералы согласились замять участие Дроздевича в незаконном бизнесе; взамен им было обещано невмешательство МАС в их операции местного уровня. Поэтому открыто действовать Зеленский не мог, санкции свыше на расследование налета на «Светлану» у него не имелось... но расследовать было просто позарез необходимо. Он не хотел стать жертвой чьих-то махинаций, как бедняга Дроздевич. Мало ли что здесь устраивают федералы? Ведь зачем-то им понадобился отдел в научно-исследовательском центре. Нет ли здесь опасности для нового уполномоченного МАС?

Так и не придя ни к какому выводу, Зеленский позвал водителя и велел проехать по Лихославию – собирался поглядеть на подведомственную территорию. Особенно его интересовал центр профессора Баргозова, где федералы зачем-то решили посадить своего представителя.

Часть вторая

Научная деятельность

Глава 1

Загадка биотина

После разговора с полковником Алехин возвратился в номер и объявил:

– Есть новое задание.

– Хорошо! – оживился Шартьев. – Кого на этот раз разрабатываем?

Алехин тяжело вздохнул. Ему тоже понравилась вчерашняя акция. Тогда все было ясно и просто: все, кто в здании «Светланы», – враги. Никаких вопросов, простая работа. А вот что делать с учеными?..

– Наша группа преобразована в отдел безопасности при научно-исследовательском центре здесь же, в Лихославле.

– Это надолго? – Делягин нахмурился. – У меня в конце июня отпуск.

– И еще вопрос, товарищ капитан, – встрял Шартьев. – Ученые степени нам присвоят? Служишь, понимаете, служишь, а все прапорщик. Вот у профессоров, говорят, зарплата – будь здоров какая.

Делягин заржал, но Алехину было не до шуток. Полковник вручил ему несколько брошюр о биотине, засунутых между листами местной газеты: «Ознакомься хотя бы в общих чертах».

– Отставить смешочки, не то будете у меня магчасть изучать.

Угроза заставила подчиненных притихнуть, а капитан завалился на диван и с тяжким вздохом открыл первую брошюру.

Начало было обнадеживающим. Едва ли не с возникновением Сектора встал вопрос: возможно ли синтезировать биотин? По всему миру закипела лихорадочная работа, и выяснилось, что искусственные вещества с идентичным химсоставом биотином не являются. Иностранцы, несомненно, изо всех сил пытались нарушить монополию России на биотин, но это им не удалось. Отечественным лабораториям тоже раздали заказы – если продукт стратегической важности можно создать искусственно, об этом нужно было узнать заранее. Работы начались... и никаких итогов.

Алехин вздохнул.

– Пойду займусь «Фердинандом», – сказал Шартьев. – Сил нет слушать, как капитан вздыхает.

Алехин вздохнул еще раз и взялся за вторую брошюру.

Профессору Баргозову пришла в голову светлая мысль: производство следует развернуть в Секторе либо поблизости от него, там такие-то и такие-то показатели таких-то замеров отклоняются от нормы, и можно предположить, что один из этих факторов окажется решающим... Чем все закончилось, было не ясно. Результат опытов группы Баргозова, конечно, засекречен, но ведь полковник предоставил бы информацию – Алехин в этом не сомневался. Предоставил бы... если бы было что предоставлять. А в брошюре не содержалось никаких сведений – ни победных реляций, ни признания неудачи. Как будто и не начинали.

Капитан нашел дату на последней странице: 2015 год. С тех пор что-то могло измениться. Он вдруг поймал себя на том, что опять вздыхает. Ему бы не в эту научную лабуду вникать, от которой ломит в затылке и челюсти сводит, ему бы настоящее дело, боевую задачу: вот ты, вот враг... Эх-х...

– Погляжу, что там у прапорщика. Может, помочь чем...
Вот и старлей сдался, убежал от командирских вздохов.
И капитан Алехин остался наедине с брошюрами.

* * *

Около одиннадцати часов утра в дом Шилковых постучал участковый. Открыла бабушка Лизы. Отперла и замерла, с подозрением глядя на полицейского сквозь толстые линзы очков. Участковый за сегодняшнее утро уже раз двадцать обругал начальство, из-за которого приходилось заниматься такой ерундой. К тому же старуха на старости лет совсем выжила из ума, с ней беседу вести – удовольствие, как говорится, ниже среднего...

Нудным голосом он представился и спросил, дома ли Елизавета Константиновна Шилкова.

– Не надо ее беспокоить! – всполошилась безумная старуха. – Плохо ей, совсем больная!

Участковый аккуратно отодвинул тщедушную бабку с пути и прошел в комнату. Елизавета Константиновна сидела на кровати, укутавшись одеялом, и листала альбом с фотографиями. Рыжие волосы торчали в стороны слипшимися неопрятными прядями, девушка была бледной, даже синеватой. Старуха, хотя и безумная, тут не обманула – внучка в самом деле хворает.

– Здравствуйте, Елизавета Константиновна, – сказал полицейский нарочно громко, чтобы привлечь к себе внимание.

Девушка и ухом не повела. Участковый, скрипя рассохшимися половицами, приблизился к кровати и заглянул через укутанное одеялом плечо. Лиза разглядывала семейный альбом со старыми снимками.

– Вот такой позавчера под утро возвратилась, – забормотала старуха, – не говорит, ничего не помнит, меня едва узнала...

– Она в агентстве по трудоустройству была? – уточнил полицейский. – В «Светлане»?

– Там, там, – часто закивала бабка. – Я ее отговаривала – не ходи, говорила, там жулики, увезут тебя, неизвестно что с тобой сделают, а она все равно: заработаю денег, тебе на лекарства нужно. А что мне лекарства? Я и так обхожусь, мне уже намного лучше... Не послушала Лиза и пошла документы подавать в эту «Светлану». Раз ходила, другой раз ходила, медицинскую карту показывала, на обследование в поликлинику отправляли, потом опять ходила. Когда последний раз вернулась – не в себе была и молчит с тех пор. Но уже лучше ей, лучше. Вчера вовсе страшно глядеть было, прямо на себя не похожая Лизонька вернулась, лица на ней не было... а теперь вот оклемалась, что-то вспоминать начала, я ей фотографии с родителями покойными дала, пусть глядит, пусть.

– Значит, ничего не помнит? – уточнил участковый.

Лиза молча листала альбом, водила пальцем по снимкам, снова листала... вела себя так, будто она одна не только в комнате, но и на всем свете, и некуда спешить, и нет дела важнее, чем смотреть на старые фото. На участкового она так и не взглянула.

Ему стало неловко. В самом деле гражданочка, видно, попала в эту заваруху с перестрелкой, что-то там такое увидела. Шок у нее, значит. Но по крайней мере, хорошо, что жива, цела и сидит дома, а не едет невесть куда. Если начистоту, участковый сам Гочу и его «Светлану» поганой метлой из города вымел бы, сразу воздух стал бы чище. Но не под силу такие дела простым участковым. Не велено было трогать Гочу, даже в рапорте упоминать запретили.

– Ну ладно. – Полицейский для порядка раскрыл планшет, сделал пометку. – Пойду я. Выздоровливайте, Елизавета Константиновна!

Девушка выпростала из-под одеяла вторую руку, в ней был пульт управления телевизором. Ткнула кнопку, на экране появилась заставка мультфильма о супергероях.

– Мультики ее любимые в детстве были, – всхлипнула бабка, – поставила ей, пусть смотрит, вспоминает.

Участковый пошел к выходу. В дверях обернулся, оглядел Лизу, уставившуюся в экран, на котором мелькали пестрые картинки, и бросил:

– Вам бы врачу ее показать. Мало ли...

С тем и ушел. У него было еще три адреса. К Шилковым он заглянул раньше других, поскольку Лиза заходила в «Светлану» в день происшествия. И в тот же день агентство оформляло документы еще одной девушке.

* * *

«Фердинанд» миновал железнодорожный переезд и поехал по Октябрьской. Справа было озеро, слева – старые кварталы. Потом пересекли пустошь, и показался так называемый Шанхай – район новостроек, появившийся после возникновения Сектора, жилье для строителей, для новых рабочих АБЗ. Панельные серые пятиэтажки, над которыми, как башня над крепостной стеной, высилась двенадцатиэтажная «свечка».

До Барьера здесь было рукой подать, и влияние Сектора ощущалось явственно. Какое-то напряжение, разлитое в воздухе, ожидание беды. Как будто знаешь, что вот-вот стрясется что-то нехорошее, а сделать ничего не можешь, потому что понятия не имеешь, чего ожидать. А может, просто серый безрадостный пейзаж так на нервы давил.

Научно-исследовательский центр располагался дальше, на территории военной части. Часть развернули в 2015-м, потом, после окончания строительства Барьера, вывели, заменив отдельной ротой.

Шартьев, ведя микроавтобус, по привычке болтал:

– Везде одно и то же. Вон, глядите, пустырь, свалка, как будто старый город ею от новостроек отгородился. Лихославль-два новый район называется. И совсем не похож на первый.

– Шанхай, – подал голос Делягин. – Так все говорят.

– Во-во, – подхватил прапорщик, – я, пока вчера с машиной возился, парой слов с местными перекинулся. Меня ж по телевизору не показывают, я человек простой. Ну, вот со мной и откровенничали, не стеснялись. Такого порассказали... Они ж не в курсе, что я с нашей кинозвездой в одной упряжке, по телику только капитана крупным планом дали.

– Завидуете? – буркнул Алехин. – В следующий раз попрошу полковника, чтобы вам, товарищ прапорщик, главную роль в этой комедии дали.

– Не, я не гожусь. Внешностью не вышел. Вот вы, товарищ капитан, с виду орел, вам и главную роль. – Сам Шартьев, маленький, жилистый и подвижный, больше походил на обезьяну, чем на орла. – В общем, местные не советуют по вечерам в Шанхай соваться. Там другая страна, так один высказался. Другая страна и другие законы. Местные пацаны, которые коренные, здешние, хулиганят, налеты устраивают. Шанхайские против них что-то вроде местной самообороны организовали, полиция не вмешивается.

Слева от дороги показалось скопление брошенной строительной техники. Краска на бортах облупилась, машины были разрисованы и покрыты надписями на разных языках. Экскаватор с задраным ржавым ковшом, на котором намалевали круглые белые глаза, походил на доисторического ящера, с недовольством разглядывающего проезжающих по шоссе. Роль древних джунглей, откуда вылезло это чудище, исполняли разломанные бетонные блоки с торчащими перекрученными арматурными прутьями, расколотые доски, ржавые трубы, россыпи старых покрышек и подобный хлам.

– Вообще, обстановка там аховая, – продолжал прапорщик. – У шанхайских с местными постоянное противостояние, но при этом общаются непрерывно. «Сувениры» из Сек-

тора, контрафактная железя, наркотики – это же все отсюда, из Шанхая. Цыгане, что ли, какие-то наркоту возят.

– Драки часто бывают? – оживился Делягин. – Азартные игры, все такое?

– А тебе зачем? – обернулся Алехин. – Собираешься прогуляться? Познакомиться с местными достопримечательностями?

– Не-е, я к тому, что Гоча перед смертью в карты играл.

– Да брось, – ухмыльнулся Шартьев, – Гоча не того полета птица был, тем более Дроздович. В Шанхае мелочевка, хулиганье.

– Дело с разборками в «Светлане» закрыто, – напомнил капитан, – можете забыть. У нас новая задача. Вон впереди ворота – похоже, приехали.

Бетонный забор двухметровой высоты тянулся в обе стороны от дороги, а ворота были солидные, с гербовыми орлами и нарисованным триколором. Краска облупилась, орлы заржавели. Перед воротами «Фердинанд» остановился, Алехин выбрался на асфальт и пошел предъявлять документы.

Заспанный солдат, даже не взглянув на «корочки», отдал честь и включил лебедку, управляющую створками, – значит, смотрел телепередачу. Ворота распахнулись, и микроавтобус вкатился на огражденную территорию. Двухэтажные здания с выбитыми стеклами, заколоченные двери, плац с растрескавшимся асфальтом.

– Небогато живут, – заметил Шартьев.

– Воинская часть здесь была расквартирована при строительстве Барьера, – пояснил Алехин, – теперь только рота техобслуживания. Они и охрану несут. Давай вон туда, за казармы, там должно быть здание ученых.

* * *

Распределение прошло гладко. Правда, преподам показалось удивительным, что образцовый студент Олег Свирцев выбрал такое место работы. Должность лаборанта в исследовательском центре под Лихославлем считалась плохой вакансией, ехать туда выпускники отказывались. Олег, пользуясь случаем, расспросил на кафедре, что известно о тамошних порядках.

– Был у меня один студент, два года назад диплом защитил, – припомнил доцент, читавший Олегу аномальную биологию, – Кожухов. Да, Евгений Кожухов. Все с какими-то идеями носился, собирался в Сектор, своими глазами увидеть и все такое прочее. Вот он туда уехал. Не знаю, до сих пор трудится или уже сбежал. И вы, Свирцев, боюсь, долго не выдержите. – Он покосился на Гришку и добавил: – Тем более ваш приятель. Тема, под которую создавался центр Баргозова, заморожена, они занимаются рутинной: обычные замеры радиационного фона, влажности воздуха, атмосферного давления и электромагнитных показателей в Секторе. Скорее метеостанция, чем исследовательский центр.

– Ничего, я попробую оживить тамошнюю обстановку, – пообещал Олег. – У меня есть кое-какие идеи, хотелось бы их проверить.

– Что ж, удачи. Но должен заметить, Кожухов говорил то же самое. С тех пор мне не попалось ни единой публикации, подписанной его именем. Баргозов, впрочем, периодически что-то публикует.

Олег решил выезжать к месту работы сразу же. Гришку это вполне устраивало: он опасался встретиться с прежними деловыми партнерами, а главное – хотел смыться, пока не вернулся сосед-погорелец. Так что приятели уехали первым же поездом. В дороге Гришка принялся расспрашивать, почему Олег выбрал этот центр. Олег не ответил, Гришка попытался еще раз – с тем же результатом. Потом его легкомысленный нрав взял свое, и он принялся трепаться, перескакивая с одной темы на другую... Олег глядел в окно и под Гришкину бол-

товню думал, что лучше всего оказаться с капитаном Алехиным в Секторе. Там наверняка будет масса возможностей свести счеты, не оставив улики.

В Лихославль они приехали ночью. Сошли на пустой перрон. В здании вокзала слышал наряд полиции. Выпускникам рассказали, как попасть в научно-исследовательский центр, и посоветовали ждать утра: после шести автобусы повезут рабочие смены из Шанхая к АБЗ, на обратном пути можно попросить водителя подвезти. А от Шанхая пешком – самый верный вариант.

– Такси у вас вызвать можно? – осведомился Гришка.

Полицейские переглянулись.

– Из Москвы, что ли? – спросил один. – Так здесь не Москва.

– Да, с такси у нас напряг, – ответил проще второй. – Привыкайте пешком ходить. Или тачку приобретайте, только дороги у нас такие... лучше сразу покупать вездеход.

– Амфибию, – поддакнул первый.

Приезжие послушались совета и остались на вокзале до утра. На рассвете пошли вдоль железки к АБЗ. Город просыпался, и чем ближе к заводу, тем оживленнее становились улицы. Рядом грохотали груженные составы, над заводскими корпусами поднимались темные полосы дыма. Автобусы один за другим подъезжали к остановке, выруливали на круг, извергали толпу одинаковых серых людей с застывшими серыми лицами. Еще не проснувшиеся, зевающие на ходу работяги шли к проходной.

Обратно автобусы уходили порожняком – в Шанхай, к спальным микрорайонам за новой партией пассажиров. Водитель согласился взять попутчиков, но сгонять к научному центру даже за плату отказался:

– Нет, пацаны, у нас с этим строго: прибытие, отправка по расписанию. Хотите, высажу на остановке в Шанхае и ждите там. Наши рейсы еще около часа, потом подберу вас, сгоняем к военной части, где ваши ученые сидят. Только я бы не советовал. Шанхай – нехорошее место. Чем на остановке час торчать, лучше пешочком прогуляйтесь. Вещей у вас немного, да и погода хорошая.

Садясь в автобус, Олег бросил взгляд в небо. Над заводом оно было таким же серым, как лица работяг.

Глава 2

Отдел безопасности

Зеленский заехал в горсовет, договорился насчет помещения для филиала Ловчего клуба. Представителю МАС никто не отказывает, но чиновник, отвечающий за жилфонд, по привычке сперва пожаловался на перенаселенность, отсутствие подходящих площадей, непрерывно прибывающих на АБЗ рабочих... Ведь Ловчий клуб – это не просто контора, там должен быть оборудован склад для хранения биообразцов, тир, всевозможные сопутствующие службы. Зеленский вежливо посочувствовал проблемам городской администрации и предложил выделить ему бывшее здание «Светланы».

– Насколько мне известно, помещения теперь никому не принадлежат, а коллеги из ФСБ уже закончили работу на месте преступления, так что с этой стороны препятствий не будет, гарантирую. А там и подземный гараж, и склад...

Что верно, то верно – для хранения биообразцов, или, говоря проще, желез хамелеонов в подвале «Светланы» все уже было оборудовано. Сговорившись насчет здания, Зеленский с представителем горсовета отправился в «Светлану», чтобы осмотреть передаваемую в распоряжение МАС недвижимость. Быстро подписали бумаги, городской чиновник ушел, а Зеленский сперва долго расхаживал по холлу и, придерживая пальцем наушник, слушал, как трудится не покладая рук майор МВД Кононенко. Затем взял у водителя фонарик и спустился в подвал. Там, конечно, поработали криминалисты ФСБ, все было убрано. Но кое-что любопытное Зеленскому обнаружить удалось.

На бетонных колоннах нашлись свежие следы, оставленные пулями. Вряд ли федералы развлекались таким образом, расследуя убийство Гочи. Нет, конечно, кто-то стрелял в подвале в день налета. Сколько стволов участвовало? Какие? Пули эксперты, разумеется, извлекли, не говоря уж о том, что собрали гильзы... Стреляли вдоль склада – значит, кто-то здесь убегал.

Любопытная деталь: в отчете ФСБ не фигурировали крупные суммы, которые могли бы служить ставкой в игре (в кабинете обнаружено несколько карточных колод) или храниться в сейфе Гочи. Дроздевич вряд ли стал бы играть без интереса – вот уж на кого, а на своего предшественника Зеленский собрал порядочно информации. Покойный коллега был азартным человеком и любил крупные ставки.

Что же получается? Сотрудники ФСБ прикарманили неплохие деньги? Но кто-то все же убегал через подземный склад, отстреливался. Возможно, этот неизвестный и унес деньги... а в отчете ФСБ о нем ни слова. Любопытно, не правда ли?

Поднявшись из подвала, Зеленский сел на простреленный диван в холле, сунул в ухо наушник и погрузился в заботы майора Кононенко. Одновременно он пытался смоделировать в воображении картину произошедшего в «Светлане». Картина не складывалась – нескольких деталей мозаики явно недоставало.

– Эй, мужик! – окликнули снаружи, из-за выбитой витрины. – Это здесь, что ли, Ловчий клуб откроют?

Зеленский вытащил горошину наушника из уха и задумчиво уставился на крупного белобрысого парня, который стоял перед бывшим агентством по найму. Парень топтался снаружи на солнце и, приложив ладонь козырьком ко лбу, разглядывал разоренный холл. Под растянутой кожанкой на нем была белая футболка с черными готическими буквами: «SECTOR MACHT FREI»¹.

¹ Сектор делает свободным (*нем.*). Фраза, пародирующая знаменитый лозунг «Arbeit macht frei» («Труд делает свободным», «Труд освобождает»), который, в свою очередь, пародирует средневековое правило «Stadtluft macht frei» («Городской воздух освобождает»), по которому крепостной, проживший в городе достаточно долго, становится свободным. (*Примеч. авт.*)

– Здесь, все правильно, – кивнул масовец. – А быстро у вас в городе новости расходятся. Собираешься вступить в клуб? Через недельку заходи. Приберемся, мебель расставим, витрину застеклим, да и начнем работу.

* * *

«Фердинанд» затормозил перед аккуратным двухэтажным зданием, выкрашенным в белый цвет. Оно имело вполне обжитой вид, тем и выделялось на фоне всеобщей заброшенности. Алехин выбрался из машины и огляделся. Где-то неподалеку, позади белого здания, были слышны голоса, шум работающего двигателя, звук ударов по металлу. В той стороне должен находиться охраняемый въезд в Сектор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.